

13/10
K-14038

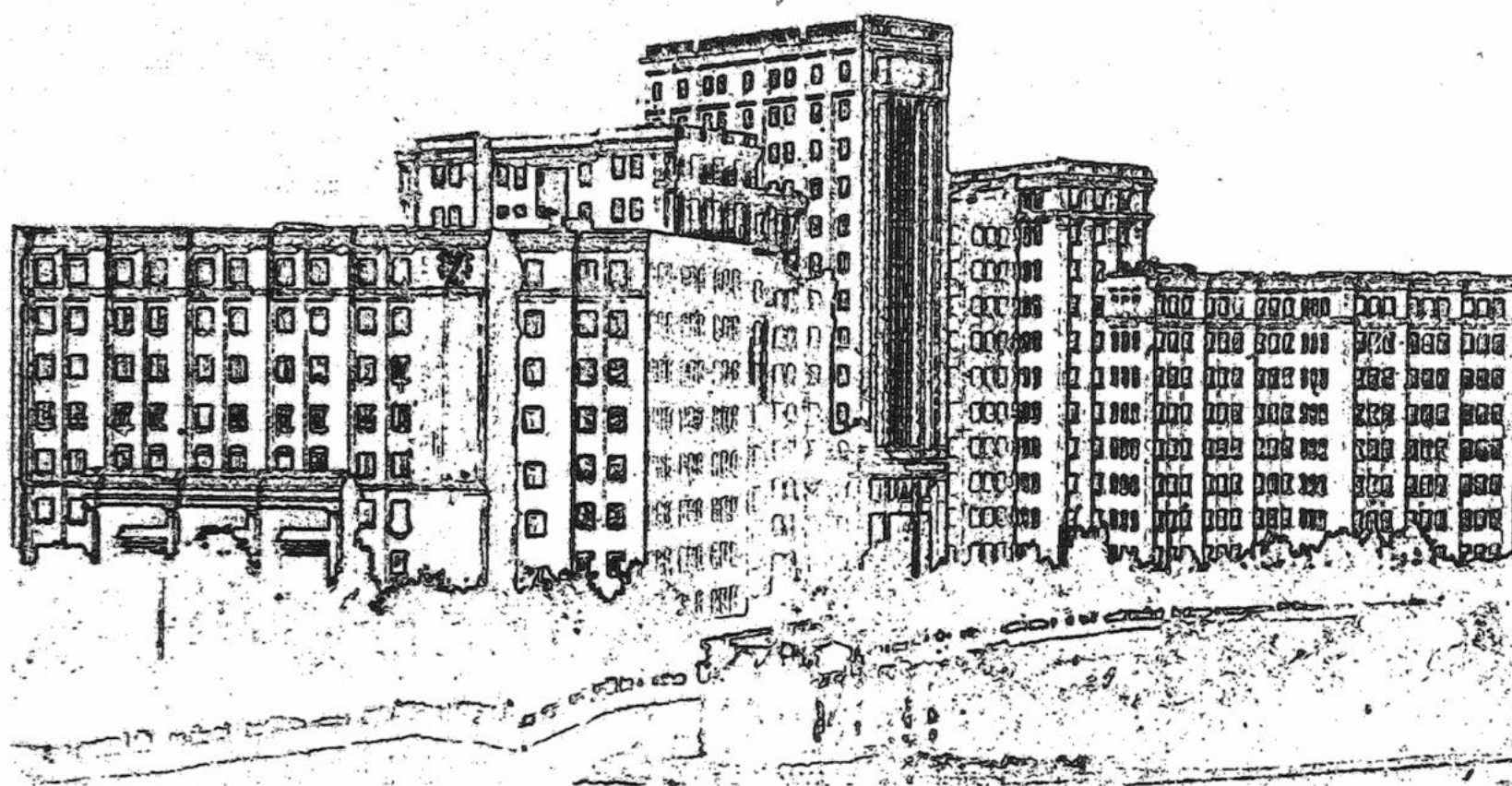
ПЗ27921

Міністерство освіти і науки України

ВІСНИК

Харківського національного університету
ім. В.Н. Каразіна

№ 487

2000

ISSN 0453 8048

ISSN 0453 7998

**Міністерство освіти і науки України
Харківський національний університет ім. В.Н. Каразіна**

**ВІСНИК
ХАРКІВСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО УНІВЕРСИТЕТУ
ім. В.Н. КАРАЗІНА
№487'2000**

---

*Світ-системна теорія і
сучасні глобальні трансформації
(філософія, політологія, соціологія)*

Заснований у 1965 р.

**Харків
2000**

ВІСНИК ХАРКІВСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО УНІВЕРСИТЕТУ ІМ. В.Н. КАРАЗІНА №487'2000

Вісник присвячений розгляду актуальних проблем розвитку світ-системної теорії у контексті сучасних глобальних трансформацій. Він містить статті, присвячені широкому колу питань походження та еволюції світ-системного аналізу, оцінці його місця і ролі в сучасній соціальній теорії, а також обговоренню останніх дискусій у світ-системній теорії з питань геоісторичних змін, макроісторичної динаміки, періодизації й інтерпретації світової історії, генези капіталізму та Модерну. Чільне місце у Віснику посідає оцінка перспектив світ-системної інтерпретації процесів геополітичної, гео економічної і геокультурної трансформації сучасного світу, дослідження можливих сценаріїв розвитку світової системи і варіантів реконфігурації основних світових центрів сили в 2000-2050 рр. Певна частина статей присвячена дослідженню місця України в глобальних відносинах "центр/периферія" і новому світовому геополітичному і гео економічному порядку, світ-системному виміру "третьої хвилі" демократизації і посткомуністичних політичних, економічних і соціальних трансформацій, політико-режимним характеристикам пострадянських демократій і особливостям пострадянського капіталізму. Для викладачів, наукових працівників, аспірантів, студентів та усіх, хто цікавиться глобальними проблемами сучасності.

Редакційна колегія:

Мамалуй О.О. - д-р філос. наук, проф. (відповідальний редактор)

Бурова О.К. - д-р філос. наук, проф.

Кривуля О.М. - д-р філос. наук, проф.

Култаєва М.Д. - д-р філос. наук, проф.

Руденко Д.І. - д-р філол. наук, проф.

Сазонов М.І. - д-р філос. наук, проф.

Шкода В.В. - д-р філос. наук, проф.

Якуба О.О. - д-р філос. наук, проф.

Бакіров В.С. - д-р соціол. наук, проф.

Соболев В.О. - д-р соціол. наук, проф.

Шедяков В.Б. - д-р соціол. наук, проф.

Ніколаєвський В.М. - канд. філос. наук, проф.

Куць О.М. - д-р філос. наук, проф.

Калініченко В.В. - д-р іст. наук, проф.

Кравченко В.В. - д-р іст. наук, проф.

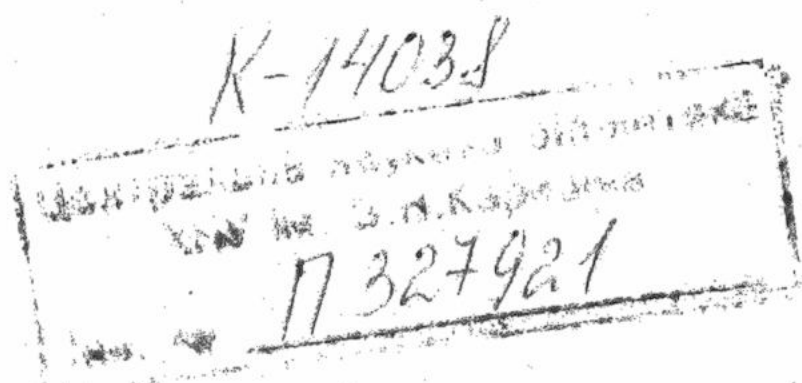
Воробьов Є.М. - д-р економ. наук, проф.

Адреса редакційної колегії: 61077, Харків-77, пл. Свободи, 4, Харківський національний університет ім. В.Н. Каразіна, к. 3-43, тел. (0572) 457-271

Друкується за рішенням Вченої ради Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна, протокол №6 від 30 червня 2000 року

Свідectво про державну реєстрацію КВ №4063 від 02.03.2000

© Харківський національний університет ім. В.Н. Каразіна, 2000

ЗМІСТ

Розділ І. ФІЛОСОФСЬКІ ПЕРИПЕТІЇ

Бакіров В.С. Світ-системний аналіз в сучасному світі.....	6
Валлерстайн І. Конец какой современности?.....	7
Gowan P. Contemporary Intra-Core Relations and World Systems Theory.....	17
Фисун А.А. Мир-системный анализ как теория геоисторических изменений.....	34
Журженко Т.Ю. Мир-системный анализ как современная критическая теория.....	51
Андреева Т.А. Загальнолюдська детермінанта “світ-системи” І. Валлерстайна.....	62
Афонін Е.А., Мартинов А.Ю. Перспективи “світосистемної” інтерпретації Всесвітньої історії.....	64
Шильман М. Опыт статистического анализа параметров и эволюции сложных исторических систем.....	73
Гусаченко В.В. Модернизация и/или пост-нео-колониализм? Или о двух оптиках.....	82
Мосенцева Т.С. “Несдержанное обещание”: о дискурсивных аспектах “проекта Модерна”.....	85
Денисенко И.Д. Модель социального конфликта Р. Дарендорфа в контексте мир-системного анализа И. Валлерстайна.....	88
Гриценко А. А. Экономические трансформации пространства-времени.....	91
Гуревичев М.М. Гуманистическая гипотеза грядущей Глобаль-системы.....	93
Попов В.В. “Ирония” Запада и “юмор” Востока: другие возможности “глобального” проецирования.....	94
Попова Н.В. “Историческая герменевтика” или способ конструирования мира прошлого.....	97
Пилипко Є.В. Перехідний період в історії суспільства як проблема перебудови самоорганізації соціуму.....	99
Баталов А.А. Теории цивилизаций – в поисках новых подходов.....	102
Кондратенко Н.Е. Глобальное информационное общество: взгляд на проблемы высшего образования в Украине.....	104
Минаков И.В. Как возможно сообщество?.....	106

Розділ ІІІ. ПИТАННЯ ПОЛІТОЛОГІЇ

Bojcsun M. Ukraine in the World Economy.....	109
Gierus J. Globalizing the State: A Comparison of Three Regional Models.....	117
✓ Шаповаленко М.В. Демократические транзиты с точки зрения мир-системного анализа.....	123
Шаталова Г.М. Специфика и особенности демократических преобразований в постсоветском регионе.....	130
Новиков М. Демократизация, модернизация и всемирно-исторические процессы.....	134
Шевчук В.О. Інститут держави на гребені третьої “хвилі”: структурно-функціональна специфіка.....	138
✓ Кучеренко Т.В. Дія моделі “центр - периферія” у політичному просторі України.....	140
Крысенко А.В. Украина на пороге XXI века: аспекты внешнеполитической безопасности.....	142
✓ Кравцова О.А. Геополітичні перспективи України.....	145
✓ Фролов В.М., Поступной А.Н., Резаев А.В. Изменяющаяся Украина в изменяющемся мире. Факторы и перспективы движения.....	146
✓ Ключко Д.Е. Украина в процессе трансформации глобальной системы международных отношений.....	149

✓ Петренко У.Е. Трансформационные процессы в Украине в контексте основных положений концепции И. Валлерстайна.....	151
Поліщук І.О. Православна традиція як глобальна підойма української ментальності.....	153
✓ Мотиль К.М. Європеїзація і євразійство: цивілізаційні орієнтації України у сучасних умовах.....	155
✓ Шеховцова И.В. Идеологические миражи геокультуры И. Валлерстайна.....	157

Розділ III. СОЦІОЛОГІЯ

Derluguian G. Russia between Globalization and the Historical Tradition, or col. Putin as Anti-Gorbachev.....	161
Kalb D. Localizing flows: Power, Paths, Institutions and Networks.....	169
Kutuev P. Democracy, State and Development: The Case of the Post-Communist Ukraine.....	176
Фесенко В. Феномен міжнародного общественного мнения в контексте отношений центр-периферия.....	183
Куценко О.Д. К вопросу о “конце истории”, или Украина в волнах глобализации мировой системы.....	188
Голиков А.П., Буевский В.В., Черномаз П.А. Глобальная конкуренция – конкуренция стран и транснациональных компаний.....	193
Яременко О.Л. Институциональные заимствования как эволюционный фактор.....	196
Корогодов П.Н. Социальные технологии в мир-системном анализе.....	197

Розділ І

“Філософські перипетії”

СВІТ-СИСТЕМНИЙ АНАЛІЗ В СУЧАСНОМУ СВІТІ

В.С. Бакіров

(ректор Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна)

Головною тенденцією розвитку останнього десятиліття стала глобалізація світових економічних, політичних і соціокультурних відносин. Світ все більше перетворюється єдиний простір, на якому безперешкодно переміщуються капітали, товари і послуги, де вільно поширюються ідеї і пересуваються їх носії. Глобалізація передбачає утворення єдиного міжнародного економічного, інформаційного і культурного поля, що надає світовому співтовариству нову якість існування.

Всі ці обставини настійно підводять суспільні дисципліни до необхідності глибокого, широкоформатного проблемно-теоретичного осмислення нових явищ і процесів світового розвитку, осмислення, що потребує вироблення нової мови і розвитку нових концептуальних методик в рамках самої соціальної теорії. Це завдання, як здається, є принципово нерозв'язним в рамках якоїсь однієї суспільної дисципліни, воно потребує широкого міждисциплінарного підходу і об'єднання зусиль філософів, соціологів, економістів, політологів, фахівців із міжнародних відносин і т.д.

Прикладом такого комплексного міждисциплінарного обговорення проблеми є проведення 21-22 червня 2000 року міжнародного наукового семінару "Світ-системна теорія і сучасні глобальні трансформації", організованого Харківським національним університетом ім. В.Н. Каразіна разом із Лондонським Центром Європейських Досліджень і Українським Центром Університету Північний Лондон (Велика Британія).

Метою семінару була спроба комплексного обговорення основних положень одного з нових напрямків сучасної соціальної теорії, що динамічно розвивається - світ-системного аналізу, - і оцінка його перспектив у контексті сучасних глобальних трансформацій. Семінар проводився в 70 річницю фундатора світ-системного підходу, одного з найвидатніших соціальних теоретиків сучасності професора Іммануїла Валлерстайна, і став одним із перших спеціальних обговорень світ-системної теорії в пострадянському академічному співтоваристві.

Хотілося б привернути увагу до деяких обставин, що здаються особливо важливими і підкреслюють необхідність звернення до робіт І. Валлерстайна та інших представників світ-системного аналізу.

Як відомо, саме теорія світ-системного аналізу однією з перших висунула на перший план аналізу значення зовнішніх, всесвітніх контекстів і детермінант розвитку будь-якого окремого національного "суспільства", акцентувавши увагу на значенні глобальних процесів світового масштабу. По суті, світ-системний аналіз, підкресливши значення зовнішніх, ендегенних чинників соціальних змін, був одним із піонерів вивчення тематики глобалізації. В даний час можна говорити про формування цілого напрямку, підходу до вивчення глобальних явищ, що реалізується в рамках самих різних дисциплін і галузей соціального знання.

Крім того, сьогодні ми є свідками кардинального переосмислення моделі і загальної парадигми соціальних наук. Розвивається класична ньютонівсько-ейнштейнівська картина світу, все більшого поширення набувають різноманітні моделі нелінійної еволюції, синергетичні підходи і теорії, які суттєво по-іншому трактують проблематику причинності, історичного часу, змісту і спрямованості історичного процесу, ідеї прогресу і "розвитку" взагалі.

Одним із перших про необхідність переосмислення концептуального інструментарію сучасної соціальної теорії заговорив саме І. Валлерстайн. У своїй роботі "Переосмислення соціальних наук" (1991 р.) він підкреслює необхідність переосмислення того, що він називає спадщиною XIX сторіччя в соціальних дисциплінах, оскільки ця спадщина і донині є глибоко укоріненою в наших поглядах і визначає "мову" сучасної науки. Це, наприклад, ідея "розвитку" (як просування від нижчого до вищого), уявлення про існування незалежних і ізольованих національних "суспільств" (які в дійсності є результатом процесів світового масштабу), а також теза про економіку, політику і культуру як три незалежні сфери цих суспільств, що досліджуються відповідними дисциплінами. Соціальна наука XXI сторіччя має стати, на думку І. Валлерстайна, навіть не між-, а постдисциплінарною і відмовитися від своїх фетишів - ідеї прогресу і лінійного розвитку, ідеї ізольованого існування національних "суспільств", ідеї поділу і самостійного вивчення сфер економіки, політики і культури.

Цей черговий Вісник ХНУ містить наукові праці філософів, політологів, соціологів, економістів, що так або інакше торкаються світ-системного підходу та проблематики сучасних глобальних змін взагалі:

По-перше, це походження й еволюції світ-системного аналізу, оцінка його місця і ролі в сучасній соціальній теорії, а також обговорення останніх дискусій у світ-системній теорії з питань макроісторичної динаміки, періодизації й інтерпретації світової історії, докапіталістичного розвитку, генези капіталізму й Модерну, співвідношення цивілізацій і світ-систем;

По-друге, це оцінка перспектив світ-системної інтерпретації процесів геополітичної, гео-економічної і геокультурної трансформації сучасного світу, дослідження можливих сценаріїв розвитку світової системи і варіантів реконфігурації основних світових центрів сили в 2000-2050 р., включаючи оцінку шансів Європи і ЄС у новому турі глобального суперництва і конкуренції;

По-третє, це дослідження місця Центральної і Східної Європи, Росії, України в глобальних відносинах "центр/периферія" і новому світовому геополітичному і гео-економічному порядку, включаючи світ-системний вимір "третьої хвилі" демократизації і посткомуністичних політичних, економічних і соціальних трансформацій, політико-режимних характеристик пострадянських демократій і особливостей пострадянського капіталізму.

КОНЕЦ КАКОЙ СОВРЕМЕННОСТИ?

И. Валлерстайн

(директор Центра Фернана Броделя по изучению экономик, исторических систем и цивилизаций при Университете штата Нью-Йорк в Бингемтоне, США)

Среди множества заявлений о том, что мы живем в эпоху постсовременности, я почувствовал необходимость еще раз задаться вопросом, какая все-таки современность у нас была и какая - должна быть. Здесь представлена история различных толкований "современности", чьи указания на политический/моральный выбор по-прежнему составляют для нас проблему.

В конце 40-х годов, когда я был студентом колледжа, мы изучали свойства и характеристики современного бытия. Сегодня, почти полстолетие спустя, мы уже говорим о свойствах и характеристиках бытия постсовременного. Что же произошло с "современностью", которая из нашего "спасителя" превратилась в нашего "демона"? Об одной и той же ли современности мы говорили тогда и говорим теперь? При кончине какой "современности" мы присутствуем?

Оксфордский словарь английского языка, с которым нужно справляться в первую очередь, свидетельствует о том, что одно значение "современного" является историографическим: "современный – характеристика, обычно прилагаемая (в противоположность "античному" или "средневековому") ко времени после Средних веков". Оксфордский словарь ссылается на автора, использующего слово "современность" в этом значении уже в 1585 г. Далее, словарь сообщает, что "современный" означает также "имеющий отношение к или берущий начало в текущей эпохе или периоде". С этой точки зрения, понятие "постсовременный" является оксюмороном, который, как мне кажется, необходимо продемонстрировать.

Приблизительно 50 лет назад слово "современный" имело два очевидных значения. Первое из них было позитивным и передовым. "Современное" означало устремленные в будущее новейшие технологии. Термин находился в концептуальных рамках теории бесконечного технологического прогресса и, как следствие, постоянных инноваций. Такая "современность" была, по своей сути, "текущей" и мимолетной: то, что современно сегодня, устареет завтра. По своей внешней форме – это более-менее "материально-вещественная" современность: самолеты, кондиционеры, телевизоры, компьютеры. Призыв к такого рода современности актуален до сих пор. Не вызывает сомнения, что уже есть миллионы детей нового поколения, которые отвергают подобную бесконечную гонку за скоростью и за обретением контроля над окружающей действительностью как нечто "нездоровое" и даже "низкое". Однако, наравне с этим, миллиарды – миллиарды, а не миллионы – жителей Азии или Африки, Восточной Европы или Латинской Америки, трущоб и гетто Западной Европы или Северной Америки изо всех сил жаждут войти именно в такую "современность".

Вместе с тем, существует и иное основное значение понятия "современный", которое является скорее "противопоставляющим", нежели "утверждающим". Это другое значение характеризуется меньшей устремленностью в будущее (и самоудовлетворенностью), но большей боевитостью, оно скорее не "материально", а "идеологично". Быть "современным" означало находиться в оппозиции к "Средневековью"; понятие "средневековый" воплощало "узость взглядов", "догматизм" и, конечно же, "давление авторитета". Таким был лозунг Вольтера "раздавить гадину", равно как и "Потерянный Рай" Мильтона с его воспеванием Люцифера. Такими были все "классические" революции – в первую очередь, Английская, Американская, Французская, но также и Российская и Китайская. В США "современными" (в указанном смысле) были доктрина отделения церкви от государства, Десять поправок к Конституции, "Декларация Независимости", судебное рассмотрение дела Клэренса Дэрроу, процессы "Браун против Департамента Образования" и "Роу против Уэйда".

Короче говоря, второе значение понятия "современного" связывалось с приближением торжества человеческой свободы над силами зла и невежества. Рассматриваемое движение считалось столь же прогрессивным, сколь и технологическое совершенствование. Однако оно не ассоциировалось с триумфом человечества над природой, скорее – с триумфом человечества над самим собой, точнее – над своими "привилегированными" представителями. Выбранный путь оказался не путем научных свершений, но путем социальных конфликтов. Такая "современность" была не столько "современностью технологий", Прометеевской свободы и беспредельного изобилия, сколько "современностью освобождения", настоящей демократии (правление народа вместо аристократического правления немногих), подлинного человеческого самозавершения и утверждения гуманности. Эта "современность освобождения" была не некой преходящей современностью, а современностью вечной и окончательной: будучи однажды достигнутой, она не могла быть впредь превзойдена.

Эти две истории, два дискурса, два направления, две "современности" были достаточно различны, даже противоположны. Вместе с тем, исторически они обнаружили глубокую укорененность друг в друге; именно эта взаимообусловленность привела впоследствии к глубокому смятению, неожиданным следствиям, и даже к обманутым надеждам и разочарованиям. Эта симбиотическая "пара" оформила ключевое культурное противоречие нашей современной мир-системы, системы исторического капитализма. Это противостояние никогда не было таким непримиримым, как сегодня, а именно – ведущим к моральному и институциональному кризису.

Давайте проследим историю этого сбивающего с толку "симбиоза" двух современностей – "современности технологий" и "современности освобождения" – сквозь призму истории современной мир-системы. Я разделю мой рассказ на три части, охватывающими, во-первых, период в 300-350 лет между зарождением современной мир-системы в середине XV ст. до конца XVIII ст.; во-вторых, период XIX и большей части XX столетия (или, если воспользоваться символически значимыми датами, это эпоха от 1789 до 1968 гг.); третий же период начинается после 1968 г.

Современной мир-системе никогда не было полностью уютно вместе с "идеей современности", однако в каждый из трех периодов это происходило по разным причинам. В течение первого периода только часть мирового пространства (преимущественно, прежде всего, Европы и Америки) составляла историческую систему, которую мы можем назвать капиталистической мир-экономикой (КМЭ). Последнее обозначение мы уже можем использовать для данной системы в эту эпоху, ибо она обладала тремя отличительными признаками КМЭ: 1) в пределах ее границ имело место осевое разделение труда с поляризацией "ядровых" и периферийных видов экономической деятельности; 2) основные политические структуры - государства - были связаны друг с другом и скованы посредством межгосударственной системы, границы в которой в целом совпадали с соответствующими границами осевого разделения труда; 3) те силы, которые стремились к бесконечному накоплению капитала, в среднесрочной перспективе, преобладали над прочими.

Несмотря на это, в течении первого периода, особая геокультура капиталистической мир-экономики все еще не была твердо установлена. Это было время, когда для частей мира, находящихся внутри КМЭ, не существовало ясных общих геокультурных норм. Не существовало даже минимального общественного согласия по таким фундаментальным проблемам, как: должно ли государство быть светским; кто имеет моральное право на обладание верховной властью; законностью относительной корпоративной независимости интеллектуалов; социальной допустимостью множественности религиозных вероисповеданий. Возникает подозрение, что все эти проблемы так

или иначе касались власти и привилегий тех, кто, все еще контролируя социальные и политические институты, стремился остановить силы прогресса.

Ключевым моментом является то, что в течении этого достаточно длительного периода, те, кто боролся за "технологическую современность" и те, кто выступал за современность как "освобождение" имели одних и тех же общих политических противников. Казалось, что две разновидности модерна выступают "тандемом", и только в немногих случаях используемый язык обозначал различия между ними. Галилей, вынужденный подчиниться церкви, но прошептавший (возможно, апокрифически) "*Errur si tuiove*", - "и все-таки вертится", - был борцом и за технологический прогресс, и за человеческое освобождение. Можно сказать, что одним из итогов Просвещения явилось формирование веры в тождество технологического и освободительного проектов современности.

Культурное противоречие, если оно имело место, было связано с тем, что КМЭ экономически и политически функционировала в рамках модели, в которой отсутствовала необходимая для ее поддержания и укрепления собственная геокультура. В целом система, таким образом, была плохо приспособлена к своим динамическим колебаниям и нагрузкам, что принимало порой вид некой рассогласованности или даже борьбы против себя же. Непрерывной затруднительной проблемой системы был "геокультурный вопрос", требовавший своего урегулирования - если КМЭ и дальше хотела, согласно ее внутренней логике, разрастаться и преуспевать.

Форсированным решением проблемы - причем не только для Франции, но и для современной мир-системы в целом - стала Французская революция. Она не была событием "местного значения". Скорее ее можно представить центром урагана, который охватил через деколонизацию Америки (предшествуя Французской революции или следуя после) и борьбу за независимость белых поселенцев Британской Северной Америки, Испанской Америки и Бразилии, и революцию рабов на Гаити, и неудавшиеся восстания коренных жителей Америки (такие как, например, восстание Тупак Амару в Перу). Французская революция стимулировала и соединила различные виды борьбы за освобождение вместе с рождающимися формами национально-освободительных движений по всей Европе и на ее границах - от Ирландии до России и от Испании до Египта. При этом побудительным толчком развития этих движений выступало не только сочувствие французским революционным доктринам, но и негативная реакция против французского (то есть, Наполеоновского) империализма, который, впрочем, использовал риторику той же Французской революции.

Главный урок Французской революции состоял в том, что она сделала очевидной, в определенном смысле - впервые, что технологическая и освободительная трактовки сути современности нетождественны между собой. Те, кто стремились в первую очередь к технологической "современности", внезапно оказались охвачены страхом перед растущей мощью защитников "современности как освобождения".

В 1815 г. Наполеон был разгромлен, во Франции наступило время Реставрации. Главные европейские державы объединились в Союз Наций, который хотя бы отчасти должен был гарантировать реакционный "статус кво". В действительности, тем не менее, это оказалось едва возможным. И в период между 1815-1848 гг. была разработана геокультура КМЭ, которая способствовала возвышению технологического понимания современности, одновременно сдерживая распространение ее освободительного духа.

На фоне симбиотической взаимосвязи двух образов современности их частичное разведение между собой оказалось нелегкой задачей. Однако именно ее выполнение позволило создать прочное геокультурное основание для легитимации деятельности КМЭ, которое успешно осуществлялось на протяжении более 150 лет. Разгадкой операционального механизма системы явилась выработка идеологии либерализма с последующим ее принятием в качестве идеологического символа капиталистической мир-экономики.

Идеологии сами по себе, по существу, были ответом на вызов новой культурной ситуации, сформированной Французской революцией [1]. То, что в 1815 г. выглядело восстановлением порядка и традиции, в действительности обнаружило невозможность "пути назад": раскол мировоззрений оказался непреодолимым, и это было исторически неизбежно. Две принципиально новые идеи стали повсеместно восприниматься почти как самоочевидные. Первая идея состояла в признании того, что политические изменения из исключения превратились в норму. Смысл вто-

рой заключался в том, что, верховный суверенитет был оставлен за такой общественной совокупностью, которая получила именование "народа".

Обе идеи были взрывоопасны. "Священный Союз" (континентальных европейских монархий) категорически отверг обе эти идеи полностью. Британское же правительство, сформированное из тори, как правительство нового мир-системного гегемона, повело себя двусмысленно; впрочем, как и монархия Людовика XVIII во Франции в период Реставрации. Эти два правления, "по природе" консервативные, но "рациональные" в отправлении власти, были двусмысленны постольку, поскольку осознали всю разрушительную силу "общественного мнения" и предпочли скорее уступить ему, нежели подвергнуться опасности быть им "сметенными".

Так возникли идеологии, которые на самом деле являлись просто долговременными политическими стратегиями, призванными учитывать новую веру в "нормальность" политических изменений и моральное право народа на власть. Три "главные" идеологии были созданы в этот период. Первой был консерватизм, идеология граждан, испуганных новыми идеями и считавших их несостоятельными с точки зрения морали, то есть отвергавших "современность" как нечто недостойное.

Либерализм, в свою очередь, появился в "ответ" консерватизму — как доктрина "защитников современности", стремящихся полностью воплотить его принципы, но — постепенно, с минимумом потрясений при максимуме контроля всех действий. Как заявил Верховный суд США, принимая решение о запрете расовой сегрегации, изменения должны происходить с "сугубой осмотрительностью", что, как нам известно, означает "не слишком быстро, но и, следовательно, не слишком медленно". Несомненно, либералы были преданы технологическому образу современности, но тошнило при мысли о современности как "освобождении". "Освобождение" для немногочисленного "образованного слоя", считали они, — отличная идея, однако для обывателей оно опасно.

Третья идеология XIX века, социализм, возникла в последнюю очередь. Подобно либералам, социалисты рассматривали прогресс как нечто неизбежное и желательное. Однако, в отличие от них, социалисты относились с подозрением к реформам "сверху" и нетерпеливо желали всех благ современности — не только технологий, но, в еще большей степени, освобождения. Они подозревали, и не без основания, что либералам свойственно ограничивать как сферу приложения "либерализма", так и круг лиц, к которому он может быть применим.

В сформировавшейся триаде идеологий либералы заняли политический центр. В той мере, в какой либералы стремились "отодвинуть" государство, в особенности — государство монархическое, из многих областей, где принимались решения, в той же мере они побуждали это же государство выступать инициатором "разумного реформирования". Так, в Великобритании, например, отмена "хлебных законов" выступила кульминацией длительных попыток помешать государству проводить политику защиты внутренних рынков от иностранных конкурентов. Однако, в то же самое время, то же самое правительство приняло новое фабричное законодательство ("*Factory Act*"), положившего начало, а отнюдь не завершившей серию попыток привлечь внимание государства к регулированию условий труда и занятости.

Все больше изменяя "антигосударственнической" сущности своей доктрины, либерализм на практике выступал главным "оправданием" укрепления эффективности действий государственной машины [2] — постольку, поскольку государство воспринималось либералами как преследующее в своей основе те же цели: дальнейшее продвижение технологической современности сочетаемое с разумными мерами по умиротворению "опасных классов". Таким образом, либералы намеревались взять под контроль "стихийный" подтекст идеи "верховенства народа", порожденной идеей освободительной современности.

В XIX в. либеральная идеология "центрального ядра" КМС выразила свою суть через постановку трех основных политических целей, как то — "всеобщее избирательное право", "государство всеобщего благосостояния" и "национальная идентичность", комбинация которых, как рассчитывали либералы, поможет "усмирить" уже упомянутые "опасные классы", гарантируя при этом развитие технологической модернизации.

Дебаты по поводу "всеобщего избирательного права" шли на протяжении всего XIX столетия и даже дольше. На практике наблюдалось непрерывное увеличение тех групп, на которые распространялось право голосовать; в большинстве случаев это происходило в такой последовательности: сначала право голосовать получили мелкие собственники, затем — просто все взрослые мужчины, потом — молодые люди и, наконец, женщины. Продуманный ход либералов состоял здесь в том, что получившие избирательное право граждане, еще недавно его лишенные, могли

проникнуться идеей регулярных выборов как воплощающей в себе полноту притязаний личности на политические права и, тем самым, "вытеснить" более радикальные способы действительного участия в коллективном волеизъявлении.

Споры вокруг "государства всеобщего благосостояния", в действительности представляющие собой спор о перераспределении прибавочной стоимости, были также длительными и тоже продемонстрировали неуклонный рост уступок, - по крайней мере, так было вплоть до 1980-х гг., когда начался процесс их обратного сокращения. Сущностной особенностью "государства всеобщего благосостояния" являлась "социализация" заработной платы, когда все возрастающая доля доходов, принадлежавшая наемным рабочим, поступает к ним не напрямую, из средств работодателей, но "косвенно" - через государственные органы. Подобная система частично разрывала привязку получения доходов к месту службы или работы, делая возможным соблюдение некоего более общего соответствия между уровнем приобретенной квалификации и общим доходом. При этом выяснение отношений между трудом и капиталом частично перемещалось на политическую арену, где рабочие, с помощью "всеобщего избирательного права", обладали гораздо более мощными рычагами давления. "Государство всеобщего благосостояния" делало, однако, гораздо меньше для рабочих с низким уровнем доходов, в сравнении с тем, что попадало средним рабочим слоям. Число последних увеличивалось, а их центристские политические взгляды оказывали серьезную поддержку правительствам, проводившим в жизнь либеральную идеологию.

Ни избирательное право, ни "всеобщее благосостояние", ни даже их совокупность не могли в достаточной мере "удовлетворить" "опасные классы" - требовалась третья и решающая "переменная", гарантирующая, что эти "опасные классы" не станут слишком уж тщательно проверять, насколько велики были уступки в соответствии с первыми двумя принципами. Третьей переменной стало создание национальной идентичности.

В 1845 г. Бенджамин Дизраэли, будущий "просвещенный консерватор" на посту премьер-министра Великобритании, опубликовал роман *"Сибилла, или Две нации"*. В аннотации Дизраэли сообщает, что его главной темой является "положение народа", кое в чем столь ужасающее ныне, что, дабы не быть обвиненным читателями в преувеличении, автор "счел абсолютно необходимым исключить многие подлинные эпизоды". В сюжете романа нашли отражение некоторые идеи в дальнейшем влиятельного "чартистского" движения. Произведение повествует о "двух нациях Англии - нации богатых и нации бедных", которые, по предположению, происходили из двух этнических групп, нормандцев и саксонцев [3]. В приводимом нами ниже фрагменте из романа Дизраэли довольно резко отзывается об ограниченности формальных политических реформ, то есть классического либерализма, применительно к "народу". В его тексте мы читаем:

"История нашей страны в период последних десяти правлений представляла собой явную фантазмагорию, придающую причинам и следствиям общественной деятельности характер и окраску, во всех отношениях отличные от их естественных форм и оттенков. В этой могущественной мистерии всем идеям и вещам придан такой вид и придуманы такие названия, которые противоположны их реальному качеству и манере: олигархия названа свободой, одну группу духовенства окрестили общенациональной церковью, верховный суверенитет приписали чему-то совершенно бесправному, в то время как на деле абсолютной властью обладают те, кто объявляет себя "слугами народа". В эгоистичной распри клик, две жизненные формы - монарха и "толпы" - наложили свой отпечаток на всю историю Англии: вместе с ослаблением власти короны, исчезали и права народа; пока королевские символы становилось пустой декорацией, подданные опять превращались в рабов.

Однако время, все расставляющее по своим местам, все же заставило Англию заподозрить, что идолы, которым мы так долго поклонялись, и пророки, которым мы так долго внимали, не истинны. И вот - по стране ползут слухи о том, что Преданность - это не пустое слово, Вера - не иллюзия, а народная Свобода представляет собой нечто более значительное и существенное по сравнению с профанным отправлением политическими классами сакральных функций верховной власти" [4].

Если Великобритания (Франция и, в итоге, все прочие страны) действительно состояли из двух наций, "богатых и бедных", то подход Дизраэли совершенно очевидно предлагает объединение их в одно целое - единое в своих переживаниях, преданности, самопожертвовании. Такое "единство" мы называем "национальной идентичностью". Великий план либерализма состоял не в том, что бы из наций создать государство, а в том, что бы из [уже данного] государства сотворить нацию. Иными словами, данная стратегия предполагала, что все, кто находился в границах данно-

го государства, - бывшие "поданные" короля, ныне суверенный "народ", - должны превратиться в "граждан", полностью идентифицирующих себя со своим государством.

На практике это достигалось путем выполнения ряда институциональных условий. Первое заключалось в установлении ясных правовых норм, устанавливающих правила участия в политической жизни государства [membership in the polity]. Эти правила варьировались, но вместе с тем всегда отвечали общей схеме - от политической жизни отстранялись (с большей или меньшей строгостью) вновь прибывшие ("мигранты"), в то время как включались в нее все, считавшиеся "постоянными жителями". Единство этой последней группы, как правило, обеспечивалась проведением лингвистической унификации, а именно введением единого языка; при этом (что зачастую было не менее важным) языка, отличного от соседних государств. Единство языка достигалось переводом на него всей государственной деятельности и поддерживалось соответствующей политикой унификации в школьном образовании (так, составление словарей контролировалось национальными академиями), а также - принудительным усвоением такого языка языковыми меньшинствами.

Центральное место среди институтов, способствовавших "унификации" населения, занимали система образования и вооруженные силы. По крайней мере во всех "странах ядра" начальное образование, а во многих из них - и военная подготовка, сделались обязательными. Школа и армия обучали языку, гражданским доблестям, преданности своему народу. За одно столетие государства, поделенные на "две нации", на "богатых и бедных", "нормандцев и саксонцев", превратились в государства единой нации; в данном случае таковыми стали "англичане".

Не следует также забывать явление, которое выступает ключевым окончательным элементом формирования национальной идентичности, а именно - расизм. Расизм объединяет расу, считающую себя "высшей". Это объединение происходит в пределах государства за счет полного или частичного лишения национальных меньшинств гражданских прав. Сплоченная таким образом "нация" национального государства противопоставляет себя "остальному миру" - не только ближайшим "соседям", но даже в большей степени - периферийным окраинам. В XIX столетии государства "капиталистического ядра", ставшие *nation-states*, национальными государствами, одновременно становятся и империалистическими государствами, основывающими колонии во имя "цивилизационной миссии".

Предложенный "опасным классам" ведущих государств КМЭ "либеральный пакет" (из всеобщего избирательного права, "государства всеобщего благосостояния" и "национальной идентичности") питался надеждами на то, что постепенные, но уверенные реформы, обещанные технократами и политиками либерального толка, со временем принесут улучшение условий существования "опасных классов", выравнивание жизненного уровня, и, таким образом, исчезновение "двух наций" Дизраэли. Эта надежда внушалась, с одной стороны, достаточно прямыми, с другой - также и более тонкими способами. Так, она преподносилась под видом теории истории, сопрягавшей неизбежность улучшения жизни с неотвратимостью продвижения к завоеванию человеческой свободы. Таковой была так называемая "виговская интерпретация истории". Несмотря на политические и культурные дебаты XVI-XVIII ст., два различных движения - за технологический и за освободительный проект современности модерн и за модерн освобождения - в XIX в. были окончательно переопределены в "общую борьбу" за личность как главное действующее лицо истории. В этом состоял главный момент "виговской интерпретации" исторического процесса. Реинтерпретация истории явилась неотъемлемой частью того процесса, в ходе которого в XIX ст. КМЭ была навязана господствующая геокультура.

Таким образом, именно в тот исторический момент времени, когда в глазах господствующего слоя два "образа" современности оказались более чем когда-либо несходными и даже конфликтующими, официальная идеология (господствующая геокультура) провозглашала их идентичными. Господствующий слой предпринял широкие воспитательные мероприятия (через школу и армию) для убеждения своих "опасных классов" в тождественности их цели, что делало возможным переключение притязаний "опасных классов" с "освободительной" современности на современность "технологическую".

На идеологическом уровне это было то, о чем шла речь в классовой борьбе XIX столетия: в той мере, в какой рабочие и социалистические движения начинали разделять центристские идеи и даже признавать главенство технологического аспекта современности, они отходили от классовой борьбы. В обмен на лояльное отношение к государству они получали скромные, но реальные уступки на пути к современности как освобождению. Так, к началу Первой Мировой войны, на-

стаивать на приоритете борьбы за последнюю было уже бессмысленно, поскольку рабочие европейских стран сплотились вокруг своего "священного флага" и национальной славы.

Первая Мировая война ознаменовала собой триумф либеральной идеологии в евроатлантическом ядре капиталистической мир-экономики. Но в то же время она обострила политический раскол между центром и периферией системы. К последней трети XIX в. европейские державы только осуществили свои последние завоевания, а за ними уже последовал закат Запада. Под разными масками, будучи в различной степени успешными, в Восточной, Южной и Центральной Азии (а также, с опозданием, в Африке и формально независимой Латинской Америке) начали расти национально-освободительные движения. В период с 1900 по 1917 г. различные формы национальных восстаний и революций охватили Мексику и Китай, Ирландию и Индию, Балканы и Турцию, Афганистан, Персию и весь арабский мир. Новые "опасные классы" опять поднимали голову и вставали под знамена "освободительной" идеи современности, что отнюдь не свидетельствовало в пользу того, будто они недооценивали важность ее "технологического" аспекта. Они полагали, что их надежды на осуществление "технологической современности" непременно исполнятся, но это сможет произойти только после обретения освобождения.

Эпоха 1914-1945 гг. прошла под знаком долгой борьбы в центральном ядре, преимущественно между Германией и США, за гегемонию в СМС, в которой, как мы знаем, победили США. Вместе с тем, те же самые и последующие годы были периодом более фундаментального противостояния Севера и Юга. В очередной раз господствующие слои (находящиеся на Севере) предприняли попытку убедить новые "опасные классы" в идентичности двух проектов современности. Вудро Вильсон выдвинул идею о "прав наций на самоопределение", а президенты Рузвельт, Трумэн и Кеннеди провозгласили необходимость экономической модернизации слаборазвитых стран, что в первом случае было равнозначно использованию принципа "всеобщего избирательного права" в мировом масштабе, а во втором - идеи "государства всеобщего благосостояния" на национальном уровне.

Тем не менее, уступки Югу были достаточно умеренными. Господствующими слоями КМЭ была также предложена такая форма "идентичности" как объединение "свободного мира" против "мира коммунистического". Однако такая форма идентичности встретила большое сопротивление у стран так называемого "третьего мира" (то есть в странах периферии и полупериферии за минусом стран "советского блока"). "Третий мир" воспринимался так называемым "вторым миром" (коммунистическими странами) по сути как часть его зоны и, следовательно, того же лагеря. Вместе с тем, столкнувшись с ситуацией наличия реальной мощи США при символической (в основном символической) реальной оппозиционной ролью СССР, большая часть "третьего мира" выбрала путь "неприсоединения". Это означало то, что "третий мир" сможет прийти к отождествлению себя с центральной зоной КМЭ таким же образом, как это произошло с рабочим классом ядра, который пришел к идентификации себя с господствующим слоем КМЭ через идеи национального государства и расизма. В XX веке либеральная геокультура работала в мировом масштабе менее удовлетворительно, чем в масштабе национальных государств ядра КМЭ в веке XIX..

Тем не менее, либерализм еще не был в тупике. Вильсоновский либерализм смог соблазнить и приручить ленинский социализм тем же образом, каким европейский либерализм в XIX веке соблазнил и приручил социал-демократию [5]. Ленинская программа привела не к мировой революции, а к антиимпериализму и строительству социализма, которые на поверку оказались всего лишь риторическими вариациями на тему вильсоновско-рузвельтовской идеи самоопределения наций и необходимости экономического развития отсталых стран. В ленинской действительности технологическое понимание современности снова взяло верх над идеей современности как "освобождения". В точности как господствующие в КМЭ либералы, их противники - ленинисты доказывали то, что два варианта "современности" являются в действительности идентичными. И либералы Севера, как раз при поддержке ленинистов, так же начали пролагать путь к убеждению представителей национально-освободительных движений Юга в том, что эти две "современности" идентичны.

Ровно 25 лет назад, в 1968 году, этому удобному понятийному "расплыванию" был брошен громкий и решительный вызов со стороны всемирной революции, которая преимущественно (но не всегда) приняла форму студенческих волнений. В США и Франции, Чехословакии и Китае, Мексике и Тунисе, Германии и Японии произошли восстания (кое-где со смертями), которые, имея местную специфику, в сущности затрагивали одни и те же основополагающие темы: совре-

менность как освобождение - прежде всего, и она еще не осуществлена; технологический образ современности является обманчивой ловушкой Модерн технологий – обман, ловушка. Либералы "всех мастей" – либеральные, консервативные но, прежде всего, социалистические (то есть, традиционные "старые" левые) – не заслуживают доверия и представляют главное препятствие для истинного освобождения [6].

Я сам находился в центре событий в США во время восстания студентов Колумбийского университета [7], и у меня об этой "революции" сохранилось два воспоминания. Первое – о подлинном восторге студентов, находившихся в университетских корпусах, открывших через практику борьбы за коллективное освобождение то, что переживалось как освобождение личное. Второе воспоминание было связано с чувством глубокого страха от этого проявления освободительных чувств, которым было охвачено большинство преподавателей и работников университета – в особенности тех, кто считал себя "апостолами" либерализма и модерна, тех, кто видел в этой волне гнева иррациональное отрицание несомненных достижений "современности технологий".

Мировая революция 68-го вспыхнула и погасла, точнее – была подавлена. К 1970 г. почти повсюду все было кончено. Несмотря на это, революция значительным образом повлияла на геокультуру: 1968 г. ослабил доминирующие позиции либеральной идеологии в геокультуре современной мир-системы. Вопросы, которые из-за триумфа либерализма в XIX веке были полностью закрыты или вынесены на окраину публичных дебатов, вновь оказались на повестке дня. "Правые" и "левые" во всем мире снова отмежевались от либерального центра. Так называемый "новый консерватизм" был во многом "поднятым из могилы" старым консерватизмом первой половины XIX в. А "новые левые" опять-таки во многом просто "воскресли" радикализм начала прошлого века, который, я напоминаю, в то время выражался в понятии "демократия", позже присвоенном центристскими идеологиями.

Либерализм не погиб в 1968 г., однако он перестал играть роль определяющей идеологии геокультуры: 1970-е продемонстрировали возвращение идеологического спектра к действительной троичности, которая была уничтожена предшествующим размыванием трех идеологий, которые между 1850-ми и 1960-ми годами *де факто* просто стали тремя версиями либерализма. Казалось, что дискуссии перенесли на 150 лет назад. Кроме того, после 1968 мир "перевернулся" еще в двух смыслах: во-первых, технологическая современность изменил мировую социальную структуру таким образом, что создалась угроза дестабилизации социально-экономического фундамента капиталистической мир-экономики. Во-вторых, идеологическая история современной мир-системы теперь стала неким родом "памяти", которая существенно влияет нынешнюю способность господствующих слоев удерживать политическую стабильность.

Рассмотрим сначала второе изменение. Некоторых может удивить то, что я ставлю ударение на событиях 1968 г., оценивая их как поворотные. Вы можете возразить: разве не 1989 год, год падения коммунистических режимов, является более значимой датой в истории современной мир-системы? Не 1989-й ли год на самом деле положил конец социалистическому вызову капитализму и, стало быть, продемонстрировал полное достижение целей либеральной идеологии, усмирение "опасных классов" и всеобщее "усвоение" достоинств "технологической" версии современности? Нет, и еще раз нет! По моему мнению, 1989 г. был "продолжением" 1968-го, и он обозначил отнюдь не триумф либерализма и, следовательно, неизменность капитализма, но, напротив, прямо противоположное – коллапс либерализма и серьезнейшее политическое поражение тех сил, на которых держалась капиталистическая мир-экономика.

С экономической точки зрения, 1970-80-х годах, в результате вступления КМЭ в понижающую Б-фазу кондратьевского цикла (т.е., в период стагнации), практически повсюду государственные бюджеты оказались выжатыми под чистую, причем негативное воздействие на уровень благосостояния было особенно болезненным в периферийных и полупериферийных зонах системы. В 1980-х стагнация не коснулась только Восточной Азии - в периоды спада всегда остается некая относительно небольшая зона, функционирующая весьма удовлетворительно как раз за счет всеобщего упадка, так что процветание Восточной Азии в 1980-х ни в коем случае не противоречит общей модели цикла.

Конечно, подобные периоды спада регулярно случались в истории современной мир-системы. Но политические последствия Б-фазы никогда ранее не были столь серьезны в силу как раз того, что предыдущая А-фаза, приходящаяся на 1945-1970 гг., прошла под знаком всемирных политических успехов, одержанных национально-освободительными и прочими антисистемными

движениями. Другими словами, как раз потому, что либерализм в 1945-1970 гг. во всемирном масштабе выложился до конца (самоопределение наций вместе с экономической модернизацией), падение 70-80-х гг. стало настолько ощутимым. Преимущественно в периферийных и полупериферийных зонах (но не только) надежда была предана, а иллюзии разбиты. Лозунги 1968 г. начали восприниматься все более внушающими доверие, а разумный реформизм, тем более наряженный в "революционную" риторику, казался горьким разочарованием.

В одной за другой стране так называемого "третьего мира" простой народ поворачивался спиной к "старым левым" и вскрывал их обман. Люди не имели никакого представления о том, что предложить взамен – то ли бунт, то ли религиозный фундаментализм, то ли вообще отказ от политической активности; вместе с тем, они были убеждены, что псевдорадикализм "старых левых" на деле оказался "дутым" либерализмом для небольшой элиты. И тем или иным путем народные массы захотели прогнать эти элиты, ибо потеряли веру в свои государства как в агентов строительства "современности освобождения". Выразимся еще яснее: они утратили веру не вообще в свое желание "освобождения", но веру в старую стратегию ее достижения.

Крах коммунизма в 1989-1991 гг. был всего лишь одним из "симптомов" в длинной серии таковых, открывшим, что радикальная риторика еще не является поручительством наступления освободительной современности и, вероятно, дает слабую гарантию наступления современности технологической [8]. Конечно, вполне закономерно, что в отчаянье упомянутые народы возродили "правую мифологию" "свободного рынка" (в своем непосредственном виде которую, кстати, нельзя обнаружить ни в США, ни Западной Европе), но это было быстро проходящей иллюзией. Повсюду – в Литве, Польше, Венгрии – политически мы уже наблюдаем реакцию отката.

Однако, и это тоже верно, ни в Восточной Европе, ни где-нибудь еще в мире, никто из людей никогда больше не соблазнится ленинской вариацией все тех же обещаний "разумного реформизма" (но под "прикрытием" призывов к социалистической революции). И это, несомненно, является катастрофой для мирового капитализма, поскольку в течение пятидесяти лет ленинизм служил основной силой, *сдерживающей* "опасные классы" в мир-системе. На практике ленинизм оказывал весьма консервативное влияние, проповедуя неизбежность победы народа и, косвенным образом, терпеливость в ее ожидании. Теперь же, когда господствующие слои СМС утратили "защитный покров" ленинизма, "опасные классы" могут стать опять действительно опасными, а мир-система – политически нестабильной [9].

В это же время были серьезно ослаблены социоэкономические основания мир-системы. Я упомяну четыре тенденции, которые, конечно, не исчерпывают все произошедшие структурные трансформации. Во-первых, это существенное истощение мировых резервов дешевого труда. На протяжении четырех веков, вплоть до сегодняшнего дня, урбанизированная часть наемного труда имела возможность регулярно "торговаться" за увеличение той части прибыли, которую они могли получить в виде оплаты своего труда. Капиталисты имели возможность, однако, периодически останавливать тенденцию падения нормы прибыли через имеющиеся резервы рабочей силы, а именно вливая на рынок наемного труда тех, чей труд до этого не оплачивался и кто изначально был согласен на низкий заработок. Завершающая географическая экспансия КМЭ в конце XIX столетия, охватившая весь мир, вызвала повсеместное ускорение процесса урбанизации (*дерурализации*) рабочей силы – процесса, который продолжился в дальнейшем и, возможно, будет окончен в ближайшем будущем [10]. Его следствием станет неизбежное резкое повышение доли стоимости труда в структуре общих издержек мирового производства.

Второй структурной проблемой является давление на средний класс, слой которого совершенно справедливо рассматривался в качестве одной из политических опор существующей мир-системы. Однако его требования как в адрес нанимателей, так и в адрес государства постепенно выросли. Общемировые издержки для поддержания уровня жизни чрезвычайно разросшегося "среднего класса" на высоком *персональном* уровне превратились ныне в слишком большое бремя как для предпринимателей, так и для государственной казны. Вот что стоит за многочисленными попытками в минувшее десятилетие "свернуть" программу "государства всеобщего благосостояния". Одно из двух: либо указанные расходы снижены не будут, и тогда как государства, так и предприятия столкнутся с тяжелыми проблемами и быстро обанкротятся; либо снижение произойдет и тогда незамедлительно воспоследует политическое недовольство именно того слоя, который всегда оказывал наиболее серьезную поддержку СМС.

Третья структурная проблема – экологические бедствия, составляющие для СМС серьезную экономическую проблему. Процесс накопления капитала в течение последних 500 лет основывался на возможности предприятий не учитывать эти издержки. Это по существу означало перерасход мировых природных ресурсов ценой больших коллективных издержек, но фактически – бесплатно для предприятий. Однако на сегодняшний день ресурсы почти исчерпаны, а загрязнение достигло той черты, на которой пора остановиться. Обнаруживается, что теперь нам требуется вкладывать огромные средства в очистные мероприятия; кроме того, для того что бы окончательно решить эти проблемы, мы так или иначе должны сократить общий размер использования ресурсов. Но это равнозначно той истине (и об этом предприятия уже заявляли), что подобные действия снизят глобальный уровень доходов.

Наконец, экономический разрыв между Севером и Югом, удваиваясь разрывом демографическим, скорее возрастает, нежели уменьшается. Это вызывает невероятно сильное миграционное давление Юга на Север с помощью миграций, которые, в свою очередь, вызывает равную ей ответную антилиберальную реакцию на Севере. То, что произойдет дальше, легко предсказать. Не обращая внимания на возведенные барьеры, нелегальная миграция будет расти повсюду на Севере, и оно не будет знать преград. Внутренний демографический баланс государств Севера будет существенным образом нарушен, что с высокой степенью вероятности может вызвать острые социальные конфликты.

Таким образом, именно сегодня мир-система переживает моральный и институциональный кризис, который будет продолжаться и в последующие 40-50 лет. Возвращаясь к обсуждению двух образов современности, – “технологического” и “освободительного”, – можно сказать, что все происшедшее в последние годы продемонстрировало, по меньшей мере, открытое и очевидное их противостояние. В период с 1500 по 1800 гг. оба образа современности выступали тандемом. Между 1789 и 1968 гг. их латентный конфликт был взят под контроль либеральной идеологией, успешно разыгравшей мнимую идентичность двух современностей между собой. Наконец, после 1968 года маски сорваны, и обе современности опять сражаются друг с другом.

Два важнейших признака обнаруживают этот конфликт двух образов современности. Один из них – “новая наука”, наука о “сложности”. Последнее десятилетие продемонстрировало отход большинства физиков и математиков от “ньютоново-бэконовско-декартовской идеологии”, которая на протяжении 500 лет воплощала один единственно возможный “пафос научности”. Наряду с триумфом либеральной идеологии в XIX в., ньютоновская модель науки выступала хранилищем универсальной истины. “Новые ученые” бросили вызов не значимости ньютоновской парадигмы, но ее универсальности. По существу, они доказали, что ее законы науки применимы только к ограниченному числу реальных феноменов; и что для научного понимания реальности необходимо расширить общие рамки и применяемые инструменты анализа. С тех пор мы вынуждены сносить непривычное звучание таких новых слов, как “хаос”, “бифуркации”, “логика парадокса”, “фракталы”, “стрела времени” (последнее среди них наиболее фундаментально). Мир природы и все его явления были “историзированы” [11]. Хотя “новая наука”, по определению, является “нелинейной”, но из-за того, что вся концепция технологической современности “держится” на идее линейности, она вынуждена, подымая основополагающие вопросы, все еще внешне излагать их “классическим” образом.

Другим свидетельством, указывающим на конфликт между двумя современностями, является движение “постсовременности”, охватившее по преимуществу гуманитарные и общественные науки. “Постсовременность”, как я постарался показать, отнюдь не является тем, что находится *после* современного; скорее, это специфический подход, согласно которому технологический образ современности отвергается во имя образа современности освободительной. Замысловатая форма, в которой возник этот подход, объясняется тем, что постмодернисты стремятся вырваться из пут нашего дискурса, который “лингвистически” поддерживает либеральную идеологию. “Постсовременность” сомнительна в качестве объяснительной концепции, но в качестве прогностической теории она, без сомнения, верно предвосхищает многое. За это говорит хотя бы то, что мы действительно движемся по направлению к иной исторической системе, а современная мир-система подходит к своему пределу. Однако потребуется еще, как минимум, 50 лет заключительного кризиса, состояния некоего “хаоса”, прежде чем мы сможем увидеть возникновение нового социального порядка.

Наша цель на сегодня (и на ближайшие 50 лет) состоит в “утопистике” – утопическом “воображении” и сражении за этот новый социальный порядок, ибо совершенно очевидно, что

Для разрешения поставленных проблем всем нам необходимо вступить в некий обширный "полилог" всемирного масштаба. Ведь те, кто желают продолжения наличного состояния в той или иной форме, по-прежнему сильны. И все-таки - о конце какой современности идет речь? Надеюсь, что это все-таки конец современной ложной и впервые - подлинное начало современной освободительной.

11. О значении "историзации" для социальных исследований см. специальный выпуск "The "New Science" and the Historical Social Sciences," *Review*, Vol. 15, No. 1 (Winter 1992).

1. Does the WST theory of the historically cyclical patterns of intra-core relations provide us with a persuasive framework for understanding contemporary core dynamics?

Доброго дня! 17-го квітня дізнався про смерть
тату й з'їхав додому.

2. More specifically can the reach and depth of the power of the United States within the contemporary core be captured by WST's theory of capitalist hegemons and their rise and decline?

3. Is WST's insistence that its concept of core-wide world empires cannot be established in the modern world system valid?

In addressing these issues, I will begin by outlining the general approach of WST to the analysis of intra-core relations, focusing in particular upon WST's concept of core hegemons and their rise and fall. I will then look at the arguments of WST as to why a capitalist world empire is impossible. I will then go on to examine how we might conceive of the victory of a World-Empire. And I will then turn to examine the situation today and the character of the power of the US today.

Part 1. The Theory of Hegemony and Contemporary Conditions

One of the great strengths of WST is the fact that it insists upon the need to analyse contemporary dynamics within a long historical perspective. It argues that we can make sense of historical continuity and change through its concepts of core/periphery relations reproducing themselves across time. And it also identifies a recurrent pattern -- or series of patterns -- in intra-core relations in the Modern World System since the 16th Century involving a plurality of core powers both competing and co-operating with each other. Unlike, say, liberal international relations theory, WST sees intra-core relations as being marked by recurrent structural conflict as core powers compete with each other. But unlike realist international relations theory, WST does not derive its theory of structural conflict between core powers from purely political drives for power-maximisation on the part of states. Instead WST identifies the sources of conflict in the compulsions of capitalism as a socio-economic as well as an inter-state system.

In this paper, we will accept WST's theory of the sources of structural conflict amongst core powers within what Wallerstein calls the Modern World System. Our critique will be directed towards WST's theorisation of resulting conflicts as a recurrent pattern of hegemonic cycles.

A. The Mainstream WST theory of Intra-Core Relations and Hegemonic Cycles. All the main trends in WST agree on the idea that within the Modern World System there have been recurrent cyclical patterns in intra-core relationships. The cycles can be thought of as beginning when one core power rises to a dominant position within the hierarchy, becoming a 'hegemon' and establishing some order and stability to the core as other states adapt to the new hegemon's regime. This phase is followed by attempts on the part of other core powers to innovate and challenge the hegemon. As this challenge mounts, the core enters a phase of instability and conflict, typically resolved by intra-core wars which eventually throw up a new hegemon while the previous hegemon declines [1].

Within the broad field of WST we can distinguish two contrasting emphases in the ways in which these cycles are theorised. One emphasis is close to realist theories of international relations, stressing the determinant as being the military-political capacities of core states. Writers like Modelski and Thompson along with Gilpin see the economic dimension as being subordinated to and structured by this issue of military-political capacity. But what might be called the mainstream of WST represented by Wallerstein, Chase-Dunn and Arrighi emphasise capitalist economic systems as the determinant element in the competition, understanding these economic systems in a Marxist sense as production systems generating streams of surplus value. They by no means ignore the role of military-political power but they view its role as an indispensable *support* for the struggle for dominance at the level of production. Thus we can summarise their theory of the hegemonic cycles as having two main components:

1. A constant search by a plurality of core powers to gain dominance in the most sophisticated and desirable capital-intensive products. Hegemons are those capitalist powers which achieve dominance in this production field thus positioning themselves at the top of the international division of labour, penetrating the markets of other core states, gaining the largest streams of surplus value and being able to set the framework for other core states in the economic field.

2. Military-political action is viewed mainly as a *buttress* or support for this economic dominance, protecting the core economy from external attack or internal challenge and removing obstacles to the flow of its products across the system. [2]

It is this very specific definition of hegemony which results in the WST mainstream's identification of the three hegemonic powers as Holland, Britain and the United States. The military-political perspective of Modelski and Thompson focuses on sea power rather than dominance in capital-intensive commodities as the key to hegemony and this gives Portugal a place on the list before Holland. But with

either version we should note that the idea of hegemonic cycles in the core derives from the identification of hegemons and their fates.

This mainstream WST conception is perfectly coherent internally. But it is important to note that it employs a highly restricted concept of hegemony and one anchored in production systems. It is on the basis of that specific and restricted concept of hegemony that WST can derive its historical chain of hegemons and the cyclical patterns of their rise and decline. But WST also, as an inevitable consequence of its specific theory of hegemonic cycles, downplays other aspects of intra-core relations and is predisposed towards certain expectations of the contemporary dynamics rather than others. Three specific consequences of these kinds are important:

1. The equation sign between the three powers designated as successive hegemons tends towards downplaying some *radical differences* between the three hegemonies in terms of the type of capitalism, in the nature of the core context in which the hegemons operate and the distinctive political capacities of the successive hegemons.

2. It tends to downplay the possibility that a hegemon with great political capacities may be able to exploit feedback mechanisms from the inter-state system onto productive systems other than the traditional feedback mechanisms of intra-core wars.

3. It predisposes Wallerstein, Chase-Dunn and Arrighi in their analysis of contemporary developments in the 1980s and 1990s to view the US as having entered a phase of hegemonic decline after its dominance in capital intensive production for core markets was challenged by German and Japanese capitalism in the 1970s.

B. The US as a *Sui Generis* Hegemon: Is it a Cycle-Breaker? Wallerstein, Chase-Dunn and especially Arrighi do, of course, note various differences between the successive hegemonies both in terms of their own attributes and the contexts in which they have operated. But they have underestimated the qualitative differences between the US and Britain either by overplaying British power in the 19th century or by underplaying US power in the second half of the twentieth century or both. They have thereby tended to ignore the possibility that the peculiarities of US hegemonic capacities could disrupt the cyclical pattern by which WST has characterised core dynamics. We will briefly outline some central peculiarities of US hegemony since 1945:

1. *The Unipolar Core:* Since 1945 US dominance within the core has been *qualitatively* different from that of Britain in the 19th century, not to speak of Holland in the 17th century.

The political dimension of the Britain-core relationship in the 19th century and the US-core relationship in the second half of the 20th century has been radically different. The British relationship was marked by balance of power mechanisms - political multipolarity; the American relationship since 1945 has been marked by political unipolarity.

Britain never could, and never tried to, suppress political multipolarity within the core. Apart from ensuring the security of its access to the continent through the Scheldt and Belgium, Britain had only a 'negative' political goal within the continental core: that of ensuring that no single continental power dominated the continent. Britain's lack of both political capacity and political ambition to dominate the continental core was an important reason why Britain was accepted as the leader of the international political economy by other core powers. That leadership operated within a balance of power international political mechanism.

Since 1945, the USA has suppressed the balance of power mechanism within the core, brigading all other core powers into essentially bilateral security alliances dominated by the USA and taking over political leadership functions of the other core powers in the field of international politics. A hub-and-spokes structure of intra-core political/military relations thus ensued after 1945, with the primary political relationship of each core power being its subordinate link with Washington. There were, of course, variations in this political subordination: it was most marked in the case of the two other strongest core economies, Germany and Japan, less marked in the case of France. We will look at the modalities of this US political dominance later, but there is surely no doubt that it constitutes a radical difference with the British 19th century case and it is not just a difference in the quantitative power resources of the hegemon: it is a radical difference in *the structure of intra-core politics*.

2. *The Structural Character of US Political Subordination of the Core.* US political dominance over the core does not simply derive from the US's quantitatively greater military power resources. It derives from how those military resources are deployed to politically shape the foreign and security policy

context facing other core states. By shaping this context the US has indirectly shaped the actual substance of the foreign policies of other core states. Let us note some key features of this shaping activity:

(a) The US has the ability to shape and control the regional strategic environment of the West European powers and Japan. In the case of Western Europe this has been achieved through making Western Europe strategically dependent upon the US-Soviet and now US-Russia relationship; in the case of Japan through making it dependent first on the US-Soviet relationship in the cold war but now also on the US-China relationship. This strategic dependence of the allies is re-enforced by the Treaty obligations on both Germany and Japan not to develop their own strategic nuclear capacities. It may be further re-enforced by US development in the future of anti-ballistic missile capacities. Insofar as neither German nor Japan can break out of this strategic dependence on the relationship between the US and their neighbouring nuclear powers, their security is dependent upon the US.

(b) The US has the ability to control, through its military-political reach, the regional peripheries of its major allies. In the West European case, the US has long controlled the Mediterranean area and it now also has extended its military-political predominance across South East and Eastern Europe through both NATO enlargement and the Partnership for Peace as well as through bilateral agreements. On the Pacific Rim it has important military-political bridgeheads in South Korea, South East Asia and privileged security relationships with Australian and New Zealand. As a result of this US military-political predominance in the hinterlands of the other core centres, it can steer events in those hinterlands to the benefit or detriment of those core regions. And it can do so either to the benefit or, or to the detriment of these other core states. The US has demonstrated this capacity rather dramatically in the Yugoslav wars of the 1990s: from its refusal to use its resources to maintain Yugoslav unity in 1990-1991, to its drive for a unitary independent Bosnia (entailing a Bosnian war) at the start of 1992, to its success in persuading the Bosnian government to reject EU efforts to bring the war to an end, to its readiness to bring the war to an end once the EU states had accepted the dominance of NATO in the Yugoslav and wider European theatres, to its capacity to lead the EU states into a war with the Yugoslav state in 1999. The US has similarly got predominant regional military-political influence over such parts of the Japanese hinterland as the Philippines, Thailand, Indonesia, Taiwan and South Korea.

(c) Its ability to control the sources of and transport routes for crucial energy and other strategic materials supplies needed by its allies, through its positions in the Middle East and its sea and air dominance in the Mediterranean, the Indian Ocean, the Pacific and the Atlantic. (it has also, of course, been seeking to extend its control into the Caspian area in the recent past). Interruptions of supplies can have very grave consequences for the other core states, but they are dependent upon the US to assure these supplies.

(d) Very importantly, it has also had the capacity to homogenise the political cultures of its allies around sets of political values articulated to serve US interests, symbolic structures rooted in the US victory over Japan and Germany in the second world war embodying such highly sensitive symbols as 'Munich', 'Hitler', ethnicist nationalism and exterminism, totalitarianism, versus freedom, democracy, individual rights, one universalist humanity etc. This value structure has been repeatedly and effectively embedded within the national political cultures of its allies through repeated international political polarisations during and after the Cold War (notably recently in the drive against Iraq and in the various Yugoslav wars). It is a structure of political values which throws the main allied powers (Germany and Japan) into a very vulnerable international position and it has also repeatedly demonstrated the US's capacity to trump the rival potential centre of internationalist liberal and democratic universalism, France.

Taken together these four US capacities have reduced the foreign policy and power projection autonomy of its allies to near zero. This marks, at the very least, a profound, structural modification in the inter-state system in comparison with earlier epochs. Behind unipolarity lies a series of structural dependencies of other core states upon the US for their political security.

3. The Regime-Making Capacities of the United States. WST argues that each hegemon establishes an international regime of accumulation suited to its dominance in a particular set of capital intensive commodities and the other core powers adapt to that regime and then launch a competitive challenge within it. The regime then is eventually reshaped through intra-core wars. But there have been striking differences between *the regime-making capacities of the US and of Britain*. Britain established both a regime for trade and a regime for monetary relations: the Free Trade principle and the Gold Standard principle. But the other core powers were not brigaded by British power into accepting these regimes. They 'voluntarily' accepted them (or didn't, as the case may be). And Britain unilaterally committed itself

to these regimes: free trade was a unilateral decision by Britain, not a reciprocal bargain; and the same was true of the Gold Standard.

The USA has been able to operate quite differently: it has imposed international regimes on the other core powers and has had the capacity both to *stand above* its own international regimes and to adapt them to suit its perceived interests or to create entirely new regimes.

A. Trade Regimes: Thus the USA was never a unilateral free trader. It has adopted the ideology of free trade in the post-war period but it has restricted its implementation in very important ways and has continually demonstrated its readiness, if necessary, to flout free trade principles and pursue a policy of reciprocity rather than most favoured nation (MFN) status in trade relations. At the start of the 1990s the GATT was the embodiment of free trade principles but it was far from being the organiser of actual trade relations as a whole: on some estimates it embraced no more than about 5% of all international trade.

Thus the US has both presided over a (partial) free trade regime for the rest of the world and simultaneously given itself the right both to control the scope of that regime and to flout its own regime, where necessary, to suit its own interests.

This pattern has been applied throughout the post-1945 period and has been very evident in relation to the major institutional development in the field of economic relations in the 1990s: the emergence of the WTO. The US Congress's ratification of the WTO Treaty explicitly makes US acceptance of its jurisdiction conditional upon the WTO's being 'fair' to US interests. And all who follow international trade policy know that the word 'fair' in this context means serving and defending US economic interests. And for successive US administrations since the late 1980s this conditional general stance towards the GATT/WTO has been combined in US trade policy, with explicit determination to flout GATT/WTO rules where these are deemed 'unfair' to US interests, an approach which Jagdish Bagwati has aptly called 'aggressive unilateralism'. Bagwati highlights the creation and use of the so-called Super 301 and Special 301 laws, but to these could be added other instruments of US unilateralism on international economic law, such as its use of anti-dumping instruments and countervailing duties. All these instruments have been placed in the service of US claims to have unilateral national authority to judge which kinds of behaviour by other states in economic policy are 'unfair' to the US, regardless of what rules are laid down within the GATT/WTO framework. And the use of these instruments has been far from marginal in US international economic policy. As Miles Kahler points out, since 'the number of actions brought against 'unfair' trading practices - anti-dumping, countervailing duties (subsidies) and section 301 - increased dramatically' during the 1990s [3]. In the words of Pietro Nivola 'no other economic regulatory programme took on such an increase in case-loads'. [4]

And this refusal to be bound by global economic law has been combined with vigorous attempts in some fields to extend the jurisdictional reach of US domestic economic laws internationally, applying it to non-American corporations operating outside the United States. Of actions in this field, Kahler reports that 'Here the list was long.' [5]

B. International Monetary Relations: the contrast is equally striking and structurally similar in international monetary relations. The international monetary system established at Bretton Woods was always conditionally and partially implemented and although it did begin with the US accepting a discipline upon its dollar policy through the gold link, when that discipline was perceived by the US government in the 1970s to be detrimental to US interests it was simply scrapped through unilateral action by the US against opposition from all other core states and from then on the international monetary system became a pure dollar standard, thus manipulable by the US government as it wished.

This dollar standard international monetary system has enabled the US to escape from the usual balance of payments constraints upon a state's economic management and also enabled the US to escape the consequences of large swings in dollar exchange rates with other currencies, such as the Deutschmark and the Yen. It has thus been able to swing the dollar up or down against other currencies in line with purely US economic or political objectives.

John Williamson, an insider in the diplomacy that led to the US's imposition of the dollar standard in the mid-1970s has expressed what was at stake clearly: "The central political fact is that a dollar standard places the direction of world monetary policy in the hands of a single country, which thereby acquires great influence over the economic destiny of others. It is one thing to sacrifice sovereignty in the interests of interdependence; it is quite another when the relationship is one way. The difference is that between the EEC and a colonial empire.....The fact is that acceptance of a dollar standard necessarily im-

plies a degree of asymmetry in power which, although it actually existed in the early post-war years, had vanished by the time that the world found itself sliding to a reluctant dollar standard" [6].

C. International Financial Regimes: The same pattern has applied to the international financial regime: when the US government decided that the Bretton Woods system of state control of international financial control was detrimental to US interests, it had the capacity in the 1970s to transform the regime, placing international financial flows in the hands of private financial operators and markets, placing New York as the international financial centre from the early 1980s. Since the 1970s it has also involved effectively dismantling the financial regimes of its allies (ending capital controls).

D. Product and Asset Market Regimes: US regime-shaping capacities have extended also to all other areas of international economic flows and international markets. Markets are often treated as if they were spheres of exchange autonomous from state policy, but in the modern world they are highly complex mechanisms grounded in intricate networks of public and private law, institutions and conventions. The state executives and big businesses of the core states work together to seek to shape markets in their own interests. And in this field the US has demonstrated great and continuing influence. Since the launching of the Uruguay Round in the mid-1980s it has been engaging in an extremely wide-ranging and remarkably successful effort to restructure both product and asset markets *within* other states, bringing their legal rules and institutions into line with the perceived interests of US business expansion into those states. These so-called 'behind the border' international regimes are another distinctive feature of the phase of US hegemony.

Giovanni Arrighi, who, more than other WST theorists, has understood some crucial distinctive features of US global power, provides us with an interesting perspective on this. He calls American capitalism 'autocentric' in its relation to the international political economy, while British capitalism was, in an important sense, shaped by the distinctive relationship of each of its parts with the world economy. The 'autocentric' character of US capitalism – made possible not only by its internal characteristics but also by its extraordinary power vis a vis the rest of the world explained above, has involved an ambitious agenda of, in Arrighi's words, 'internalising the world economy within and in line with the structures of American capitalism'. Arrighi stresses internalisation within the organisational domains of US MNCs: but US restructuring of the social relations of production abroad has been far more extensive than that.

We do not wish to suggest that these capacities to restructure the internal regimes of its allies have been absolute - absolutely not. And we will not, at this stage consider how extensive they have been.

This international regime-shaping capacity in the international political economy has been, of course, linked to the overwhelming military-political dominance of the USA over the core discussed earlier. Both have given the USA historically egregious power capacities enabling it to respond assertively to the challenges to its hegemony in the field of capital intensive production, using its strength outside this field to strike back on many fronts in order to prepare the way for its hegemonic restoration in the productive field. These feedback effects have not applied to other core powers and have not been given due weight by WST authors, although Arrighi has been sensitive to some important aspects of them.

4. US Feedback Mechanisms for Cycle-Breaking. WST's focus upon a definition of hegemony centred upon production systems has thus been combined with an inadequate stress on the mechanisms available to the US and not available to earlier hegemonies for responding to challenges from core competitors in the sphere of production and striking back. We can think of these mechanisms as a kind of feedback from outside the productive sector onto the course of events within the productive sector. The most important of these mechanisms has been the US's extraordinary military-political reach; but also of great importance has been its power of the monetary-financial system. Both these mechanisms have given the US the ability to change and rechange the rules of the game in the sphere of production and commodity exchange in order to create the conditions for rebuilding US hegemony in the narrow sense in which it has been used by WST.

The potency of the military-political levers during the Cold War has been stressed by Samuel Huntington in an important article in the 1970s: "Western Europe, Latin America, East Asia, and much of South Asia, the Middle East and Africa fell within what was euphemistically referred to as 'the Free World', and what was, in fact, a security zone. The governments within this zone found it in their interest: a) to accept an explicit or implicit guarantee by Washington of the independence of their country and, in some cases, the authority of the government; b) to permit access to their country to a variety of US governmental and non-governmental organisations pursuing goals which those organisations considered im-

portant...The great bulk of the countries of Europe and the Third World....found the advantages of transnational access to outweigh the costs of attempting to stop it." [7]

And as David Rothkopf has added, in the post-war years "Pax Americana came with an implicit price tag to nations that accepted the US security umbrella. If a country depended on the United States for security protection, it dealt with the United States on trade and commercial matters." [8]

A very important indirect effect of US military-political capacity has been its control over energy and strategic mineral sources and transport routes, the most dramatic example being its use of the oil price rises in the early 1970s.

The potency of the monetary-financial levers has been equally striking, with the US government demonstrating repeatedly that through the threat or actual use of US control over the international monetary and financial regime, it can profoundly negatively affect the economic outcomes of allied economies, disrupting their macro-economic strategies: what I have described elsewhere as the Dollar-Wall Street Regime constructed in the 1970s and early 1980s [9]. Examples of such strategies would include monetary pressure on the French economy to defeat the Keynesian growth strategy of the early 1980s and the manipulation of the Dollar-Yen exchange rate to exert intense pressure on Japan's trade position in order to gain an opening of Japanese finance to US financial operators in the 1980s and to gain various kinds of managed trade agreements with Japan in the 1990s. The linked to the security pact tactic, the US in the 1980s and 1990s added the use of economic statecraft in the monetary and financial field to encourage states to 'deal' with it on restructuring its approaches to economic policy and organisation.

Taken together, these levers have enabled the US to 'internalise' the international political economy as Arrighi puts it, to a considerable extent or, to express the same idea in another way, to make significant inroads into the capacity of its allies to manage their own internal affairs autonomously.

5. *The Mistake about US Hegemonic Decline.* Aggregating all these distinctive features of US hegemony, we can see how, when faced with serious challenges to its dominance in capital intensive sectors in the 1970s, the US has a very wide range of instruments essentially derived from its structural power over the inter-state system of the core with which to strike back at competitors. These instruments have been largely ignored or downplayed by mainstream WST. And even Arrighi, who stresses them more than others still remains wedded to the thesis of precipitate US hegemonic decline.

Arrighi's account of the supposed decline focuses upon financialisation. He provides a brilliant account of the way in which earlier hegemonic powers, when faced with defeat in product markets, switched to financialisation and to gaining profits from the competitive success of its rivals. This pattern fits Genoa, Holland and Britain. Chase-Dunn provides a supporting theorisation with his strong emphasis on capital mobility across the inter-state system. He adds to Arrighi's argument by saying that the declining hegemon's domestic capitals are not prepared to foot the bill for the mobilisation of state resources to re-subordinate rivals by military means.

Arrighi then suggests that the international financialisation which we have witnessed since the 1970s has essentially been a repeat of this earlier cyclical pattern of financialisation. But this has not been the case: quite the opposite. First, the financialisation process was initiated as much by the US state as by US capitals. Secondly, it should be understood as part and parcel of the US state's drive to construct the Dollar Wall Street regime as a weapon for the US fight-back. Thirdly, US leadership of international monetary and financial relations has been a double lever for this fight back: both an instrument of pressure upon other core states, as we have suggested above, but also an instrument for providing the US state with the financial resources for massively strengthening its state military-political capacity in the 1980s.

With all these instruments the US has thus been able to 'hold the line' against its allied competitors and during the 1990s it has been able to pressure its allies into accepting its own internally generated new leading sectors of capital-intensive industries as the 'hegemonic' industrial driving forces of the new phase of the world economy: the 'information' and telecommunication industries.

Part 2. WST and the Possibility of Capitalist World Empires

Our critique of WST analysis of contemporary intra-core relations suggests that the scheme of hegemonic cycles in a politically pluralistic core may need structural modification in the light of the characteristics of US hegemony. Some writers, particularly American realists, go much further and insist that the advanced capitalist core today is organised as an American world-empire.

Zbigniew Brzezinski has recently forcefully advanced this argument that today we have US imperial dominance over its European and East Asian allies. He underlines the fact that "the scope and per-

vasiveness of American global power today are unique....Its military legions are firmly perched on the western and eastern extremities of Eurasia, and they also control the Persian Gulf. American vassals and tributaries, some yearning to be embraced by even more formal ties to Washington, dot the entire Eurasian continent, as the map on page 22 shows." [10]. What the map in question shows is areas of US 'geopolitical preponderance' and other areas of US 'political influence'. The whole of Western Europe, Japan, South Korea and Australia and New Zealand, as well as some parts of the Middle East and Canada, fall into the category of US geopolitical preponderance, not just influence.

Kenneth Waltz and Paul Wolfowitz have claimed that the Bush and Clinton administrations have been guided precisely by the goal of establishing political dominance over the rest of the core. The famous 1992 Bush administration document on American Grand Strategy for the post-Cold War world order frankly placed at the very centre of US strategic priorities the subordination of the rest of the core, in the version of the text leaked to the New York Times early in 1992. [11] This advocated as a central goal 'discouraging the advanced industrialised nations from...even aspiring to a larger global or regional role.' Waltz points out that despite protests at the time that the document was only a draft, 'its tenets continue to guide American policy.' [12] The chair of the inter-agency committee which produced the 1992 Grand Strategy, Paul Wolfowitz agrees with Waltz both that the 1992 strategy guidelines have guided US policy and that they have been centred on creating a Pax Americana in the sense of maintaining the subordination of the allies. He adds that 'just seven years later' many of those who criticised the document at the time 'seem quite comfortable with the idea of a Pax Americana...Today the criticism of Pax Americana comes mainly from the isolationist right, from Patrick Buchanan.' [13]

The concept of world-empires plays a prominent role in WST. When Wallerstein first launched WST upon the world in 1974 he argued that historically world systems have taken two forms: world economies and world empires. At the start of Volume One of Wallerstein's *The Modern World System*, he draws this distinction very sharply. [14] A world-economy, he explains, is an 'economic' unit, while a world-empire is a 'political' unit in which one political centre dominated the entire world system.

Chase-Dunn and Hall have modified Wallerstein's original conception, arguing that the concept of a World Empire should be defined as one power dominating the core rather than the entire international division of labour involving the whole periphery as well. As they put it: 'There have not been true "world-empires" in the sense that a single state encompassed an entire trade network....rather, so-called world-empires have a relatively high degree of control over a relatively large proportion of a world system. The term we prefer because it is more precise, is core-wide empire' [15]

They also acknowledge that there have been a series of attempts by capitalist powers to precisely achieve, through war, a capitalist world empire. They mention in particular the Napoleonic attempt and the German attempt in the first part of the 20th century [16].

Furthermore, Chase-Dunn, in his book *Global Formation*, gives an even clearer and more analytically operational concept of a capitalist world empire: he says it is 'the formation of a core state large enough to end the operation of the balance of power system' [17]. This is precisely the condition which has applied in the core since 1945. Thus, Chase-Dunn's reformulation sharply raises the question whether what we have today is precisely just such a world empire dominating the core.

Yet a consistent and distinctive feature of WST since 1974 has been the insistence of Wallerstein and Chase-Dunn on *the theoretical impossibility of a capitalist world-empire*.

Thus, even while Chase-Dunn defines a world empire as a condition where a single core state suppresses the balance of power mechanism within the core - a very weak definition of a world empire -- he does not acknowledge that the US has effectively achieved this since 1945. And like Wallerstein and other mainstream WST theorists he resolutely argues that in the modern, capitalist world system a core-wide empire is theoretically impossible. We will therefore examine in some detail the arguments of WST theorists as to why a capitalist world empire should be ruled out in the contemporary world.

WST authors reach this conclusion by various significantly different, though overlapping routes. Wallerstein acknowledges that both world economies and world empires seek the extraction of economic surplus. But he says that world empires employ a different mode of extraction, a statist tributary mode, while world economies use market exchange mechanisms. And since, for Wallerstein, market mechanisms are integral to capitalism, capitalist world empires are contradictions in terms. His conclusions as to the impossibility of a world empire are thus contained in his premises. He excludes *ab initio* the possibility that world empires could be other than tributary states.

As he explains: 'Political empires are a primitive means of economic domination. It is the social achievement of the modern world, if you will, to have invented the technology that makes it possible to increase the flow of the surplus from the lower strata to the upper strata, from the periphery to the center, from the majority to the minority, by eliminating the "waste" of too cumbersome a political superstructure.' [18]

In *Rise and Demise* Chase-Dunn and Hall make a similar point. They state: 'Capitalists prefer a multicentric international political system. Hence the most powerful states in the modern inter-state system do not try to create a core-wide empire but seek rather to sustain the interstate system. This is because their main method of accumulation is commodity production, which contrasts with precapitalist systems, in which state power itself was the main basis of accumulation, through taxes or tribute. Phrased differently, capitalist states are qualitatively different from tributary states.' [19] This argument is re-iterated in slightly different terms towards the end of their book, when they say that in the modern world system unlike earlier ones, a hegemonic power 'never takes over the other core states. This is not merely a systematic difference in the degree of peak political concentration. The whole nature of the process of rise and fall is different in the modern world-system. The structural difference is primarily due to the relatively much greater importance that capital accumulation has in the modern world system.' [20]

There is, indeed, a slightly different stress here from Wallerstein, particularly in the implicit idea of Chase-Dunn and Hall that core capitalists will display solidarity against a world empire being established by a hegemon since it would restrict their freedom of movement as capitals and block their scope for exploiting inter-state arbitrage, a point to which we will return.

But in Chase-Dunn's earlier book, *Global Formation*, he provides a much more specified and testable series of arguments as to why the modern capitalist core will successfully resist the establishment of a world empire. His argumentative route passes from an initial acceptance that a capitalist core-wide empire involving capitalist market exchange is in principle possible to deploying a series of arguments to the effect that there are overwhelmingly powerful forces built into the structure of the modern world system preventing this theoretical possibility from occurring. Some of these arguments derive resistances to world empire from structural characteristics of the inter-state system in the modern world. Others focus upon structural features of capitalism as an economic and social power system of production and upon the derived interest perceptions of capitalists.

While Chase-Dunn presents his argumentation as a set of reasons why a core-wide empire is impossible, we can re-angle his claims to present them as the necessary preconditions for achieving a core-wide empire. Some of these are preconditions in the inter-state system; others are preconditions concerning capitalist impulses and interests.

We can summarise these as follows:

a. Inter-state system preconditions:

1. An empire-state would have to be strong enough to suppress the balance of power system and establish a unipolar organisation of core politics.

2. It would have to find ways of preventing the diffusion of military technologies to other core states, to prevent them mounting a military challenge to the empire-state.

3. It would have to be able to suppress the possibility of other core states using their sovereignty to experiment and innovate to challenge the hegemon in the productive field.

4. It would have to be able to prevent counter-tendencies and movements towards world government from other core capitalists and states, perhaps in alliance with other, subordinate social groups.

b. Capitalist interest/incentive pre-conditions:

5. It would have to prevent international capitalists from ganging up to weaken its control over the international political economy in order to protect their own freedom of movement and of operations from its predatory demands.

6. It would have to convince international capitalists that the world-empire would avoid undermining the basis of capitalist social domination within other core and periphery states, avoiding, for example, the possibility of transnational anti-systemic movements challenging both the empire and capitalism.

These arguments of Chase-Dunn are important. We can agree that many of them do indeed offer us a theory of the pre-conditions for a secure, long-term, core-wide empire highlighting important internal tensions in any such project. But after examining each in turn, we will question some of the premises underlying Chase-Dunn's theorisation.

a. Inter-state Preconditions.

The maintenance of unipolarity in the core, preventing other core states from allying against the world-empire project is clearly a fundamental precondition. But Chase-Dunn's argument that the empire state would have to prevent the diffusion of military technological knowledge across the core – something that Chase-Dunn considers impossible in the modern world – is surely one-sided. The empire state would simply have to maintain at any one time a decisive technological lead sufficient to deter any challenge at any given time. This would indeed be a precondition but one linked as much to relative resources for military research and development as to capacities to block information flows in this area.

The third point in this area – suppression of effective competitive challenges in the productive sector from other sovereign core nation states – is clearly fundamental. We can express this as the ability of the empire state effectively to control socio-economic developments and outcomes *within* juridically sovereign core states. Many would regard such a task as a contradiction in terms and thus a decisive basis for ruling out a world empire in which juridically sovereign states are retained in the core. We shall return to this subject later.

The fourth point – the world-state's ability to prevent the other core states from transforming the world dominated by a single empire-state into a world state is also, of course, fundamental.

b. Capitalist interest/incentive preconditions.

This set of arguments essentially rest upon the idea that the interests/incentives of core capitals including those of the incipient empire state would be radically opposed to any such world empire project because of the systemic needs of capitalism as such. As Chase-Dunn and Hall put it in the quotation above, 'capitalists *prefer* a multicentric international political system'. They do so for both economic and political reasons.

Freedom of international movement of capital is important both to exploit unevenness and as a decisive source of structural power over geographically immobile labour. Both depend upon real competition between core states in the international political economy. This competition offers capital the chance for regime arbitrage across states, checks the ability of any state, not least the empire-state, to impose restrictions and extra fiscal and other burdens on capital and drives labour constantly to accept restructuring of production within any state for fear of capital migration. Thus the maintenance of inter-state competition is necessary for the preservation of the social domination of capital.

But the inter-state system is not only a lever for negatively disciplining the working class and other subordinate groups in the economic system. It also provides a basis for subordination through providing strong 'vertical' political identities between different social groups within a given state: identities based on the supposed priority of racial/ethnic, cultural, or religious bonds between social classes within the state overriding other social divisions. The resulting 'state-worship' based upon the state's supposed embodiment of the values of the ethnic, cultural or religious community is a further source of social subordination to the rule of capitalism and one that depends upon the maintenance of the authority and capacity of nation states and thus of the inter-state system. Insofar as a set of core nation states seemed to be subordinated to an empire state, there could be the risk of movements by subordinate classes across core states to mount challenges to the empire state with potentially anti-capitalist dynamics.

These arguments carry great force. But they rest quite strongly upon two premises. The first is that world-empires and sovereign states are necessarily mutually exclusive, polar opposites. And the second is that there is a structural tension between capitalists and states which a fortiori must be particularly strong as between capitalists and an empire state. Both these premises are weak in the contemporary world.

A World Empire of Juridically Sovereign States?

The liberal tradition tends to place juridical relations on a higher plane than political relations. It thus assumes that a world empire in a political sense presupposes juridically imperial relations. The European Empires of the first half of the 20th century were indeed juridically anchored and liberalism typically assumes that their replacement with a new juridical order of sovereign states encompassing the globe ended possibility of an era of empires of any kind.

But this concept of an empire presupposes that an imperial relation is one of hierarchical command-compliance: a centre gives an order and the subordinates follow it -- a juridical empire is simply the most formalised form of such an hierarchical command empire.

But a systems approach to the organisation of politics and political economies can offer us a very different, more indirect but also more robust and effective form of imperial control, one in which the empire state has sufficient capacity to design the core as a system of inter-actions which systematically tends to produce outcomes re-enforcing the power and interests of the empire-state.

Joseph Nye discusses this variant in his book, *Bound to Lead*, as follows: 'Command power can rest on inducements ("carrots") or threats ("sticks"). But there is also an indirect way to exercise power. A country may achieve the outcomes it prefers in world politics because other countries want to follow it or have agreed to a system that produces such effects. In this sense, it is just as important to set the agenda and structure the situations in world politics as it is to get others to change in particular situations. This aspect of power -- that is, getting others to want what you want -- might be called indirect or co-optive power behaviour. It is in contrast to the active command power behaviour of getting others to do what you want.' [21]

One central consequence of Nye's concept is that it suggests the possibility that a world empire can be an inter-state system and international political economy shaped and structured in ways that *generate empire-state re-enforcing agendas and outcomes*. We can call this an Empire-System

Let us take some simple examples of how an Empire-System could work. If the empire state can shape the geopolitical environment of other core states in such a way that their security is threatened in ways that require the military resources of the empire state, these other core states will want what the empire-state wants. Or if the other core states' financial sectors' stability is bound up with the safety of their loans to empire-state companies and individuals whose prosperity in turn hinges upon rising prices on the empire-state's securities markets, those other core states will want what the government of the empire-state wants: a priority for stability on the empire-state's financial markets. Or if other core states' capitals view their continuing expansion as dependent upon further opening of 'emerging markets' in the semi-periphery and if the most potent instrument for such opening is the empire-state's manipulation of the international monetary and financial regime, the other core states will want what the empire state wants.

Of course, in reality, a core-wide empire in contemporary conditions would not be exclusively an Empire-System of this sort. It would also possess various instruments of command power and indeed of covert action and surveillance within the core to assure its dominance. But the main form of its dominance would be indirect, of the Empire-System type, even if the Empire-System rested upon foundations of extraordinary military-political capacity and reach.

The Empire State as Friend or Foe of Capital?

The idea that there is a deep antagonism between private business and the state runs deep in Anglo-American liberalism and it has been radicalised in the neo-liberal ideologies of the contemporary period. This preconception can lead one to think that capital would be especially hostile to an imperial super-state.

One referent for this supposed antagonism lies, of course, in the counter-position between private-property-market mechanisms of supplying goods and services and state provision of goods and services. But to define the capitalist state as first and foremost a provider of goods and services is, to say the least, somewhat one-sided. Another referent is the trade-off between state revenue and retained private income. But this can scarcely be seen as a radical opposition between state and capital given that the bulk of such taxation is spent upon infrastructures necessary for the reproduction of the private sector itself.

There are, of course, very strong grounds for arguing the opposite case, namely that in the contemporary core there is a symbiotic relationship between capitalist states and capitalist classes. Arrighi has stressed closeness of this relationship pointing out that markets are simply a mediating level in capitalist reproduction rather than an autonomous governing framework for capital accumulation. He emphasises this with some striking formulations by Braudel on the relationships between capitalism and markets.

Braudel argues that the market should be seen as the 'middle layer' of the modern economy; beneath it is the layer of production and subsistence; and above it is the layer which Braudel calls capitalism – or as he expresses it, the 'anti-market'. Braudel says of this: "Above [the lowest layer], comes the favoured terrain of the market economy, with its many horizontal communications between different markets: here a degree of automatic co-ordination usually links supply, demand and prices. Then alongside, or rather above this layer, comes the zone of the anti-market, where the great predators roam and the law

of the jungle operates. This – today as in the past, before and after the industrial revolution – is the real home of capitalism.” [22] Elsewhere Braudel adds: ‘Capitalism only triumphs when it becomes identified with the state, when it is the state.’ [23]

In this context, it is perfectly possible to envisage possible bases for strong co-operation between the capitals of the core and an emergent empire-state. Let us mention some of them:

- 1.If the empire-state presents itself as the champion of the most unrestricted rights of capital over labour within all the states of the core, this empire state should expect a warm reception from capitals across the core.

- 2.If the empire-state offers itself as an instrument for expanding the reach of all core capitals into the semi-periphery and periphery it should also expect a warm reception from capitals across the core.

- 3.If the empire-state offers a new model of capitalist organisation which brings very large additional pecuniary rewards to leading social groups within other core states it can hope to create a broad constituency of social support in the business classes across the core.

- 4.If the empire-state offers a mechanism for managing the world economy and world politics which is sufficiently cognisant of trans-core business interests the empire-state may be strongly preferred to the risks of institutionalised world government by core business and political elites.

In conclusion, insofar as Chase-Dunn is arguing that a precondition for a capitalist world empire is that the empire-state must be perceived by strategic sectors of core-wide capital as its champion, we could agree with him. But insofar as he argues that this is a theoretical impossibility we would disagree.

WST theorists do not seem to have adequately explored the possibility that within the Modern World System, a core wide empire is, under certain conditions, very much a theoretical possibility. The key attributes of an state seeking to become an empire-state in contemporary conditions are:

1. It must have the resources to organise its empire as a System-Empire not just as a Command (or juridical) Empire.

2. It must have the capacity to rally strategic constituencies of core-wide capital to its empire project.

Of course, the long-term sustainability of the world empire would require many other preconditions: the empire-state would have to use its extraordinary dominance to ensure the continued ascendancy of its capitals in key production sectors. It would have to assure its capacity to extract sufficient resources from the reproduction process to sustain its military-political reach and ascendancy and it would be faced by the constant danger that its own public policy blunders could drag it down to defeat.

We will now turn to consideration of whether such an empire actually exists, as Zbigniew Brzezinski would have us believe.

Part 3. Current Intra-Core Dynamics: The United States as a New World-Empire?

One of the most striking areas of weakness in Western social science analysis in the last quarter of a century has been its inability to reach anything like a stable, minimal agreement on the role and capacity of the United States in international relations. Within a decade opinion has swung wildly from images of the US as being in terminal hegemonic decline to images of it as a colossus dominating the planet. And there has generally been no minimal agreement, even within each of the various intellectual paradigms on the criteria for making analytical judgements on this topic.

Mainstream WST at least has had the merit of maintaining over decades a fairly clear and stable set of theoretical and analytical criteria for approaching this topic. It has ruled out the theoretical possibility of a world empire, it has provided clear criteria for identifying hegemonic status and it has judged, on the basis of its criteria that since the 1970s the US has been in hegemonic decline.

The performance of American capitalism in the 1990s would also seem to provide WST with evidence that the United States is bouncing back and has entered a phase of hegemonic revival – something not excluded as a possibility in WST. In the capital intensive information and telecommunication industries which seem to be revolutionising international economics, the US seems to possess a substantial competitive advantage. And more than ever it seems to possess the military-political capacity to ensure the diffusion of its products in these fields on a global scale.

But our analysis in this paper suggests that the United States occupies a place within the contemporary core qualitatively different from the place suggested by the concept of hegemon which mainstream WST advances. It possesses strong elements of what we have called a capitalist world empire.

We will focus here on some critical issues on which a judgement of the nature of US dominance would depend. We argued above that the success of the American state's project for establishing and consolidating a capitalist world empire must depend upon achieving four critical goals:

1. It must have the capacity to rally strategic constituencies of core-wide capital to its empire project.

2. It must have and must be able to deploy effectively the resources to organise its empire as a System-Empire not just as a Command Empire.

3. Success in these two fields must be complemented by its ability to sustain, in the long term its ascendancy in the most dynamic sectors of capital-intensive production.

4. Success must also include an effective set of mechanisms for demonstrating that such an empire-system is optimal for managing transnational class relations between capitalism and subordinate classes, coping with future anti-systemic movements.

A. International Social Coalition Building

In pursuing its world-empire project over the last twenty years, the United States' business and political elites have sought to rally support as the champions not just of American business interests but of business interests and the strengthening of capitalism as a social system on a world-wide scale. This, we have argued, is a necessary condition for any capitalist world-empire project.

On the face of it, this task might seem a daunting one. After all, every European or Asian business person knows very well that the US government aggressively supports its own businesses against the international competition wherever it can, a feature that has been particularly pronounced in the Clinton administration. Yet the US has shown that it has very great capacities to present itself as the leader of global capitalist interests in a number of ways:

1. *The champion of the rights of capital over labour.* Business in other parts of the core and semi-periphery is not simply or mainly pre-occupied with competitive challenges from US businesses. It is daily concerned with maintaining its stable social ascendancy over labour. The US stands as an example and a champion of the most unrestricted rights of capital over labour within all the states of the core. Its programmes processed through the IMF and World Bank in the former Soviet Bloc, in semi-periphery and periphery demonstrate that. And its programmes for privatising utilities, freeing transnational private financial operations, placing the financial sector in the driving seat and re-accenting capitalism towards securities-market centred, share-holder value buttressed by private pension funds has great attractions for core capitalists. The US programme offers very substantial rewards to the rentier interests of business executives and others. Thus, insofar as the German government fully adopted the US programme for shareholder capitalism, a German business executive could hope to see his or her income at least doubling.

2. *Strengthening Core Capital's Expansion into the Semi-Periphery and Periphery.* A second very important basis for the US being able to present itself as the champion of core capital as a whole lies in its ability to demonstrate its leadership on the global expansion of core capitals into regions outside the core. Since the days of the Reagan administration, the US has driven forward a programme which offers the semi-periphery and periphery only one path towards economic development: that of opening its domestic assets to the entry of core capitals for FDI-led growth and for portfolio inflows to compensate for domestic financial and fiscal strains. This has been a powerful programmatic link between the interests of the United States and its businesses on the one hand and the businesses of the rest of the core on the other.

3. *Bargaining Power with the Strongest non-American Core Businesses.* A much more narrowly focused but extremely important aspect of US coalition-building is its ability to accept or deny the most influential groups of multinational corporations based in other core states secure insertion into the US market itself. Any European or Japanese company seeking global ascendancy in its sector must gain a strong, secure presence within the United States. Achieving this is as much a political as a purely economic task. The capacity of the Deutsche Bank to buy a large German bank or of Daimler Benz to buy a large US car producer depends upon a willingness to accept American approaches to developments in their own countries, for example, a readiness on the part of the Deutsche Bank to move away from the closed system of German corporate governance involving inter-locking bank-industrial structures. The same applies to Japanese companies.

4. *Being able to resist pressures from other parts of the core for collegial, institutionalised forms of global government by offering core capitals sufficient scope for their own expansion within an empire-state framework of global governance.* This has been, perhaps, the most sensitive area in the efforts of the

US to consolidate its global social coalition in the 1990s. Its operations in international monetary, financial and trade and investment policy at an international level have frequently aroused suspicion on the part of the capitals as well as the governments of other parts of the core that US power is being used narrowly to favour its own capitals and clients. Rather than opting for a capitalist world empire, capitalists are, in the view of Chase-Dunn and Hall, more likely to accept moves towards world government, despite the risks these steps could involve of generating social movements challenging the capitalist market. Thus, in *Rise and Demise*, speaking of the weak forms of global governance supplied by the Concert of Europe, the League of Nations and the UN, Chase-Dunn and Hall continue: 'Though these weak forms of global governance did not much alter the pattern of hegemonic rise and fall in the cycle of world wars over the past 200 years, the spiralling strengthening of global governance might, if it continues, eventually lead to a world state that can effectively prevent warfare among core states.' [24] But they underestimate the extent to which the world-empire project can remain an attractive alternative even for the capitalists of competitive core states. One of the reasons for that attractiveness is precisely given by Chase Dunn and Hall when they point out a 'world state would likely be dominated by the hegemony of global capital for a time. However, if the fascist alternative were avoided, it might undergo a reform process that would lead to global democratic socialism.' [25]

At a more immediate level, a powerful compensating factor mitigating resentments among other core capitals against US economic nationalism has been the boom in the American economy itself, which has offered wide profitable opportunities for capitals across the core and which has thus eased international business tensions.

All these factors, then, have enabled the United States to gain very broad social support from the business classes of the rest of the core for its world-empire project in the 1990s. No clearer demonstration of that is needed than the fact that the media empires of the core have been prepared to thematise the American project not as a *Pax Americana* but as an agentless process of 'globalisation' that we must all accept and live within.

B. Progress towards an Empire-System

We have argued that in the contemporary world, a core-wide empire cannot be sustainable simply as a Command Empire, whereby the empire-state is reliant upon carrots and sticks to maintain its dominance over the rest of the core. These command capacities should be confined largely to crisis situations while the normal functioning of the order leaves them in the background and can rely upon the shaping of the power-relevant environments of other core powers to make them 'want what the US wants' in the phrase of Joseph Nye. We will now investigate the extent to which the US has been able to advance and consolidate this Empire-System in the 1990s.

1. Preventing Other Core Powers from Gaining Regional Geostrategic Autonomy. The Bush administration's 1992 Grand Strategy document was surely right to prioritise the risk of the West European and Japanese parts of the core acquiring regional political autonomy. One very important dimension of this is geostrategic autonomy. This could be achieved through Germany leading Western Europe into a strategic security partnership with Russia and through Japan entering a strategic security partnership with China. Such partnerships would not, of course, be directed against the United States. They would simply give priority to the formation of a security community of the states involved. In the event of achieving this, the relevant core states would lose their geostrategic dependence on the US relationships respectively with Russia and China.

During the 1990s, the US has successfully prevented this eventuality from arising. The exclusion of Russia from an enlarging NATO striking out of area at a state with friendly relations with Russia -- namely Serbia -- in the Kosovo war has indeed gone a great distance towards rebuilding Europe's bipolar structure. At the same time the United States has been strengthened in its efforts to secure a belt of pro-US states between Russia and Germany. A further step to consolidate this pattern of Western Europe's strategic dependence on the US would, paradoxically, need to be for the US to have the capacity to demonstrate to Russia that its position in the international order can best be secured through privileging its relations with the US rather than with Germany and Western Europe.

In the Pacific region, there is little risk of Japan seeking to break out of its strategic dependence upon the United States-China relationship because of the many potential conflicts of political interest with a China which is becoming increasingly powerful within the whole region.

2. Preventing European Political Unity. A very important and too little recognised feature of US political dominance in Europe during the cold War was the fact that NATO Western Europe was actually

politically fragmented with each fragment having its main political link with the US rather than with other West European fragments. The EC created the illusion that this was not so. This political fragmentation of Western Europe has continued through the 1990s, but significant counter-tendencies are emerging, focused upon a much more political Franco-German axis. The driving forces behind these tendencies lie first in the common commitment to the Euro and to giving it an adequate political anchorage; and secondly, in the common concern at their vulnerability to events in East Central South Eastern and Eastern Europe which the West European states do not control (and which the United States exerts increasing influence over). These pressures are leading to efforts to build an inner core within the EU and to giving that core (with or without Britain) some collective military capacity. This shows it to be a cohesive political group around the Euro, turns it towards being a West European caucus within NATO and gives it, through its collective military instruments, the potential to wield greater influence around Western Europe's immediate hinterland. A secure world-empire would need to contain such pressures.

3.Preventing Pacific Regional Political-Economy Integration. The greatest challenge to a consolidated World Empire in the Pacific region would come from the capacity of Japan and China and the ASEAN states to form a stable regional political-economy bloc, whether involving monetary and financial integration or a so-called *Free Trade Area* (i.e. a zone of relatively protected investment and trade linkages). The United States, whose economic penetration of the region has been weak, has worked hard to prevent such a development. It succeeded triumphantly (with West European support) in preventing Japan from establishing a regional financial and monetary shield in the autumn of 1997 and in subsequently greatly strengthening US economic penetration of the region as a result of the financial crisis of 1997-98 and the IMF (i.e. US Treasury) policies in that crisis. But Japanese efforts to build such a financial and perhaps monetary shield have been relaunched in 2000, with support from China and with some initial success. Nevertheless, access to the US market remains sufficiently critical for so many of these economies that the US retains substantial leverage at a political-economy as well as a military-political level.

4.Maintaining International Monetary and Financial Leverage. A US World-Empire project would have to combine the military-political dimension with continued dominance over international monetary and financial relations. Both Japan and Western Europe have taken steps, in different ways, to protect themselves from the US use of economic statecraft in this field to exert pressure on the rest of the core.

In the West European case, this has been attempted through the European Monetary System and its successor, the Euro. The final implementation of the Euro in July 2002 will supply a very substantial shield for Western Europe, particularly when it is combined with an integrated deep and liquid EU financial system. The strength of this shield will be all the greater in that, despite all the talk of economic globalisation, the European economy is becoming an increasingly closed one, less and less reliant upon transatlantic trade.

As far as Japan is concerned, it has not made any serious attempt to turn the Yen into a significant international reserve currency or to construct a yen bloc as a shield against US economic statecraft. This would be too risky a step, threatening heavy retaliation. Instead the Japanese government has used its enormous financial power to build up very large positions in the US financial market, especially in the Treasury bond markets. Such is the size of these Japanese holdings in the dollar area that their liquidation could deliver a substantial shock to the dollar. In other words the Japanese government has acquired leverage over US dollar policy.

6.Gaining Strategic Control over the International Division of Labour. A fully-fledged World-Empire project would give the United States the capacity not just to use the market mechanism to assure its ascendancy in product and services markets but to acquire a more structured ascendancy in the markets of the rest of the core. Yet there is continued resistance to efforts in this direction from both Japan and Western Europe. One striking symptom of this is the instability and tension surrounding the functioning of the World Trade Organisation. Another is the series of battles raging over biotechnology industries. A third is the very important conflicts over corporate governance issues and the capacity of foreign capitals to engage in hostile take overs of important domestic companies. A fourth is the constant efforts of the US to enlarge the reach of US domestic jurisdiction over the political economies of the rest of the core.

The general direction of US policy in these areas is that of re-engineering the internal social relations of the rest of the core in such a way as to enable US capitalism to use its huge financial resources to be able to centralise and concentrate capital effortlessly across the core in the sectors considered vital

for US ascendancy. But the US is still a long way from achieving this even if it has progressed far down this road in the case of Britain.

This is the area where a capitalist world empire does seem to reach its limits as a result of the necessary continued existence of an inter-state system of parcelised legal sovereignties within the core. The capacity of other core states to use their legal and administrative autonomy as well as their economic capacity and cultural/political identities to resist pressures in this area has been demonstrated in the cases of both Japan and Germany over the last two decades. This capacity for resistance is not limitless. The Japanese financial crisis of 1998 demonstrated the US's ability to enlarge the frontier of its penetration into Japan. But it remains very great.

C. Assuring US ascendancy in the field of Production

The extraordinary advances made by the United States during the 1990s have received great impetus from both the macro-economic dynamism of the US economy in the context of continuing stagnation in Japan and Western Europe and from the perceived emergence of a new wave of growth-generating capital-intensive industries within the United States. These two factors have dazzled the capitalists of the rest of the core. But they may not be as solidly based as they seem.

There is now widespread agreement that the US boom has been fed by some features which are not only unsustainable but potentially very dangerous: a strongly speculative boom on the stock market which itself has become an ever-more central mechanism in the American economy, a huge growth in private indebtedness, with much of the debt being tied to stock market speculation, and very large levels of US international debt and US trade deficits. A sudden shock could therefore swiftly transform the boom into a very savage financial crisis and deep recession with multiple consequences for the world economy.

Secondly, the supposed new growth motors of information industries and telecommunications may not have the long-term effects of sustained productivity gains necessary for what WST theorists call the A Phase of a new K-wave, in other words a new long boom anchored in a new US hegemony in the key productive sectors. Studies of the impact of information technology on productivity do not indicate unequivocally its capacity to be the necessary growth motor for a new long boom.

Thirdly, there are very real doubts about the new American business system of share-holder value. While this system is extremely attractive at a pecuniary level to business classes throughout the core and while it offers great opportunities for US money capital to extend its sway over productive assets in other countries, there must be serious doubts as to whether it is an effective business system for generating long-term large investments in fixed capital, geared to sustaining US innovation and productive ascendancy. If German and Japanese capitalisms can resist the seductions of dramatic short-term financial gains and maintain business systems more geared to long-term investment in innovations they may well be able to remount a challenge to the US in the productive sector quite rapidly [26].

D. Coping with Future Anti-Systemic Movements

Too often overlooked in assessments of American resurgence in the 1990s has been one absolutely central feature of the period: the collapse of Communism. This has not simply led to a scramble for gain in the former Soviet Bloc, it has given a unique accent to transnational class relations because it has resulted in the disorientation and disorganisation of labour on an international scale. This has been a fundamental social basis for the extraordinary advance of the new Pax Americana or empire project.

That project's advance has required that the states and capitalist classes of the rest of the core find it relatively risk free to accent their efforts towards bandwaggoning with the US programme of unfettered capitalism, American style. The weakness of labour has made that emphasis relatively easy to achieve. But in the event of a restabilisation of labour and renewed pressure from that quarter, core and semi-periphery capitalist states will face a trade off between making further adaptations towards the regime goals of the US and making adaptations to the domestic pressures from labour, even if, at the cost of disrupting US regimes. A process can occur somewhat similar to the processes leading to the disintegration of the Gold Standard and free trade in the inter-war period as states in Europe had to cope with the rise of labour then. And, of course, core and semi-periphery states can also use the risk of a challenge from labour as a way of resisting US pressures to accept imperial regimes.

While a revival of the strength of labour may seem to many a fanciful prospect at this moment of post-modernist play and senses of endings there remain both strong sociological and economic bases for such a resurgence and also still very substantial resources of the most subversive strands of the modernist

project available for challenging the narrow strip of liberal individualist universalism through which the current imperial project is ideologically legitimated.

Such a revival of the challenge from labour could also be used by core powers to advance a programme of more collegial and institutionalised world government against the unipolar, US-governance instruments which have been unchallenged in the 1990s.

Conclusion

WST's historical theorisation of intra-core relations has been a very great scientific achievement. It provides us with a comprehensive research agenda on this topic, even if it underplays the radical differences between the hegemony of Britain and the United States, down-grades some central features of US hegemonic capacities and rules out too glibly the possibility of a contemporary capitalist world empire. Furthermore, the work of Arrighi contains many insights and leads upon which to draw for developing a more adequate analysis of contemporary dynamics. And Chase-Dunn's and Hall's work has helped to transform WST's study of these issues from being a brilliant schema outlined by Wallerstein into a very serious scholarly research programme.

Footnotes

1. WST authors have also noted and explored other cyclical patterns and regularities such as: regularities of quantitative economic cycles – Kondratieff waves, with their A Phase of growth and their B phase of depression. They link these K-waves with theories of co-operation/tension within the core; and quantitative regularities in the cycles of core warfare. But we will not consider these issues here.
2. Wallerstein I., "The Three Instances of Hegemony in the history of the capitalist world economy," in G. Lenski (ed.) *Current Issues and Research in Macrosociology, International Studies in Sociology and Social Anthropology*, vol.37 (Leiden: E.J. Brill, 1984).
3. M. Kahler, *Regional Futures and Transatlantic Economic Relations* (New York: Council on Foreign Relations Press, 1995), p. 46.
4. Pietro Nivola, *Regulating Unfair Trade* (Washington DC: Brookings Institution, 1993), p. 21.
5. M. Kahler, op. cit., p. 46.
6. John Williamson, *The Failure of International Monetary Reform, 1971-74* (Nelson, 1977), p. 37.
7. Samuel P. Huntington, "Transnational Organisations in World Politics," *World Politics*, Vol.25, No.3 (1973) p. 344.
8. David J. Rothkopf, *Beyond Manic Mercantilism* (Council on Foreign Relations, 1998).
9. See Peter Gowan, *The Global Gamble* (London: Verso, 1999).
10. See Zbigniew Brzezinski, *The Grand Chessboard. American Primacy and its Geostrategic Imperatives* (New York: Basic Books, 1997), p. 23.
11. This was the 1992 Draft of the Pentagon Defence Planning Guidance.
12. Kenneth N. Waltz, "Globalization and American Power," *The National Interest*, Number 59 (Spring 2000).
13. Paul Wolfowitz, "Remembering the Future," *The National Interest*, Number 59 (Spring 2000).
14. Immanuel Wallerstein, *The Modern World System, Vol.1. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the 16th Century* (New York: Academic Press, 1974).
15. Chase-Dunn, Christopher and Thomas D. Hall, *Rise and Demise: Comparing World-Systems*. (Boulder, CO: Westview Press, 1997), p. 210.
16. See Chase-Dunn, Christopher and Thomas D. Hall, op. cit., and Christopher Chase-Dunn, *Global Formation: Structures of World Economy* (Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 1998), p.146, where he also mentions Louis IV's expansionist efforts.
17. Christopher Chase-Dunn, *Global Formation*, p. 147.
18. Ibid., p. 15-16.
19. Chase-Dunn, Christopher and Thomas D. Hall, op. cit., p. 33 and also C. Chase-Dunn, "World State Formation: Historical Processes and Emergent Necessity," *Political Geography Quarterly*, Vol.9, No.2 (April 1990).
20. Chase-Dunn, Christopher and Thomas D. Hall, op. cit., p. 210.

21. Joseph Nye, *Bound to Lead. The Changing Nature of American Power* (New York: Basic Books, 1990) p.31.
22. Braudel, Fernand, *Civilization and Capitalism, 15th - 18th Century. Vol.1. The Wheels of Commerce* (New York: Harper & Row, 1982), pp. 229-30.
23. Braudel, Fernand, *Afterthoughts on Material Civilization and Capitalism* (Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1977), p. 64-65.
24. Chase-Dunn, Christopher and Thomas D. Hall, *op. cit.*, p. 240.
25. *Ibid*, p. 241.
26. See Mary O'Sullivan, *Contests for Corporate Control: Corporate Governance and Economic Performance in the United States and Germany* (Oxford: Oxford University Press, 2000).

МИР-СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ КАК ТЕОРИЯ ГЕОИСТОРИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

А.А. Фисун

(Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина)

“В терминах традиционной социальной науки,
я, в сущности, являюсь, и всегда был с самого начала, еретиком”

(Иммануил Валлерстайн [1, p. xi])

“Наиболее значительные достижения в области социальных наук
были результатом не преумножения собранных фактов, а преодоления
самообманов, принятых за очевидную истину”

(Теодор Шанин [2, с.23])

Для большинства ученых имя Иммануила Валлерстайна (р. 1930) - профессора, многолетнего директора Центра Фернана Броделя по изучению экономик, исторических систем и цивилизаций при Университете штата Нью-Йорк в Бинхемтоне, США, - не нуждается в особом представлении. Фундаментальные исследования И. Валлерстайна посвященные проблемам анализа исторических систем, в особенности, становлению и развитию капиталистической мир-экономики (КМЭ), получили всемирную известность и открыли новый этап в изучении глобальных процессов развития и трансформации человеческих обществ. «И. Валлерстайн является как видным мировым историком, так и мечтательным пророком. Такое сочетание является необычным, особенно для нашей эпохи интеллектуальной фрагментации и академической специализации, - отмечает один из самых авторитетных современных историков У. Макнил, - Такая комбинация превращает его в доминирующую фигуру, чьи риторические обращения, радикальные идеи и отменная эрудиция бросает вызов ординарным установленным образцам профессионального дискурса» [1, p.476].

Развиваемая И. Валлерстайном концепция мир-системного анализа (МСА) в последние два десятилетия превратилась во влиятельное направление современной социальной теории. Данная статья не претендует на всесторонний анализ всех сторон и аспектов МСА или даже одного валлерстайновского творчества. Скорее это попытка представить и оттенить те новаторские аспекты МСА, которые мне представляются особенно значительным и оригинальным вкладом в развитие современного обществознания. Поэтому содержание статьи организовано вокруг нескольких основных тем:

- МСА как метадисциплинарная альтернатива традиционной социальной науке;
- специфика, эволюция и типология мир-систем;
- циклы гегемонии в контексте исторической эволюции капиталистической мир-экономики;
- сценарии и прогнозы развития современной мир-системы в период 2000-2025/50 гг.

1. МСА как метадисциплинарная альтернатива традиционной социальной науке

«Мир-системный анализ - это не теория о социальном мире или какой-то его одной части, скорее это протест против тех способов, с помощью которых социальное научное познание было

структурировано для нас при своем возникновении в середине XIX столетия», - так открывает И. Валлерстайн одну из своих программных частей о МСА в известном коллективном сборнике «Социальная теория сегодня» [3, р. 309]. В самом широком смысле мир-системный анализ является продолжением и распространением идей «всемирной революции» 1968 года на сферу социального знания, реакцией на «идеологизированный позитивизм и фальшивый аполитизм» социальных наук 50-60-ых гг. В более узком смысле, МСА бросил вызов двум господствующим в это время теориям - девелопментализму (теории «развития») и концепции модернизации. «Хотя мир-системный анализ был только одним вариантом этой критики, сейчас уже понятно, что он порывал с социальной наукой XIX века более глубоко, чем это делали другие критики» [4, р. 266].

Острые валлерстайновской критики сконцентрировано вокруг ключевых, парадигмальных оснований современного социального знания, которые он называет «ужасным наследством социальной науки XIX столетия» [4, р. 264]. По мнению И. Валлерстайна, мы нуждаемся не просто в переосмыслении, а в радикальной замене социальной науки XIX столетия, «ибо множество ее предпосылок (на мой взгляд, ошибочных и ограниченных) все еще слишком укоренены в нашем мышлении. Эти предпосылки, когда-то способствующие освобождению духа, сегодня выступают главным интеллектуальным барьером для успешного анализа социального мира» [4, р. 1].

Прежде всего, это представление о том, что социальная реальность якобы существует в трех особенных и отдельных сферах: политической, экономической и социокультурной. Под экономическими явлениями при этом понимается то, что относится к функционированию рынка, политическими - то, что относится к сфере функционирования государственных институтов, а социокультурными - то, что определяется преимущественно состоянием нашего духа. Каждая из этих сфер - экономика, политика и культура представляет автономный вид деятельности и имеет собственную внутреннюю логику развития (поэтому между ними могут возникать противоречия и происходить взаимные конфликты). Однако, по мнению И. Валлерстайна, разделение экономики, политики и культуры является скорее догмой господствующей либеральной идеологии, чем отражением реальных механизмов функционирования современного мира. Вариацией этого мифа является и представление о том, что в докапиталистических системах эти сферы действительно были нерасчленимы, и только капитализм («модернизация», «переход от традиционного к современному») разделяет их между собой. По сути и последняя схема отдает дань типичным представлениям о сущности процесса развития как движения на пути бесконечной дифференциации социальных структур и институтов [См. подробнее: 5].

В действительности, по мнению И. Валлерстайна, и внутри капиталистической системы указанные три сферы работают вместе и неразрывно: на личностном уровне не существует обособленных (экономических, политических, социокультурных) видов мотиваций, как и не существуют объективные институты, которые действовали исключительно в одной сфере. Например, функционирование экономической сферы не может быть правильно понято на основе только того, что относится к сфере «рынка»: любая производственная система организована как сеть социальных отношений, которая воплощает определенную ценностную систему представлений, в свою очередь, подразумевающих и реализующихся через определенные политические процессы. Даже «экономические» рынки являются скорее социально-политическими образованиями, а, например, истинный уровень цен зависит от многих социально-политических обстоятельств. Вся политическая деятельность служит цели обеспечения экономических преимуществ или потребностей, так же как и достижению определенных социокультурных целей. И может ли быть стремление к политической власти, указывает И. Валлерстайн, отделено от данных моментов? Наконец, и социокультурная деятельность делается возможной и объяснимой через экономические и политические обстоятельства. Как можно вообразить социальную (и/или культурную) деятельность отдельно от этих факторов? «Все институты, - отмечает И. Валлерстайн, - действуют одновременно и политически, и экономически, и социокультурно и не могут быть эффективными иначе» [5, с.36, см. также: 4, р.264-265, 271].

Поэтому, делает вывод И. Валлерстайн, «три предполагаемых сферы коллективных человеческих действий - экономическая, политическая и социальная (или социокультурная) не являются автономными сферами человеческого действия. У них нет свой отдельной «логики» и, более того, переплетение ограничений, возможностей, решений, норм и «рациональностей» таково, что ни одна применяемая исследовательская модель не может разделить «факторы» соответственно указанным категориям экономического, политического и социального, и обходиться только одним

видом переменных, имплицитно рассматривая другие в качестве констант. Мы утверждаем, - продолжает И. Валлерстайн, что существует единый "набор правил" или единый "набор ограничений", внутри которых действуют эти разнообразные структуры» [3, p.313]. Этот единый "набор правил" определяет функционирование институтов системы, «которые в конечном счете управляют социальным действием, ограничивают его таким образом, что базисные принципы системы реализуются в большей или меньшей степени, а индивиды или группы социализируются в поведении, отвечающем системе» [5, с.36].

Следовательно, «святая троица политики, экономики и культуры сегодня не имеет никакой интеллектуальной ценности, и возможно - никогда не имела (или, что более точно, это было не очень долго)» [4, p.265]. Мы нуждаемся, по мнению И. Валлерстайна, в фундаментальной реорганизации всей познавательной деятельности в социальных науках в глобальном масштабе, что предполагает выход за рамки того дисциплинарного разделения социальной науки, которое сложилось в XIX столетии. Современная институционализация социальных дисциплин (создание кафедр, ассоциаций, журналов) была обусловлена либеральной догматикой «проекта Модерна», постулирующей противопоставление: 1) рынка и государства; 2) современного настоящего и исторического прошлого; 2) цивилизованного Запада и остального (нецивилизованного) мира.

Первое противопоставление обусловило возникновение экономической науки («экономикс») и политологии, которые в своем классическом, мейнстримовском варианте изучали свои предметы в «идеальном» виде, очищенном от пут традиции и «случайностей» и подчинялись универсальным закономерностям (последние, в конечном счете, «говорили» на языке математических формул и алгебраических выкладок). Все, что осталось на обочине социальной реальности (семья, религиозные институты, жизнь локальных сообществ, криминальная деятельность, демография и т.д.) в качестве «остатков» было свалено в мешок, который обрел в качестве компенсации великое имя социологии («которая, - как пишет И. Валлерстайн, - должна была объяснить внешние «иррациональные» явления, которые экономика и политическая наука были не в состоянии разрешить» [3, p. 312]. Развитие «святого семейства» экономики, политологии и социологии закрыло путь формированию потенциально возможной иной конфигурации социальных дисциплин: ведь в самом начале эпохи Модерна существовало множество конкурирующих «научных программ»: политическая экономия, социальная экономия, политическая арифметика, статистика и др. [6, p. 13].

В зависимости от ориентации на номотетические методы естественных наук или на идеографическую методологию наук гуманитарных, всего И. Валлерстайн выделяет шесть основных социальных наук, которые делятся на трио номотетических (политология, экономика, социология) и трио идеографических дисциплин (история, антропология, востоковедение). Кроме того, «наследие XIX столетия» проложило пропасть между экономикой, политологией и социологией, с одной стороны, и историей, с другой, - первые имеют дело с текущей современностью, в то время как последняя изучает прошлое. Однако эти четыре науки едины в том, что изучают преимущественно «западный мир» - и в этом, они противостоят тем дисциплинам, которые аккумулировали знания о всех остальных (незападных, не осовремененных) типах социума - антропологии (которая занималась «примитивными» бесписьменными обществами) и востоковедению (которое занималось «азиатскими» обществами с «высокими» письменными религиозно-культурными традициями) [См.: 1, p. 190-195; 6, p. 12-17; 7, p. 2-4].

По мнению И. Валлерстайна, «различия между допустимыми темами, методами, теориями или теоретизированием *внутри* любой из так называемых «дисциплин» являются более значительными, чем различия *между* самими дисциплинами» [3, p.312]. Внимательный и непредвзятый анализ критериев, используемых для определения границ между ними показывает, что практически все они - уровень анализа, предмет, методы, теоретические предпосылки, - либо оказываются неверными на практике, либо, при сохранении, являются скорее барьерами для дальнейшего знания, чем стимулами для его развития.

Вывод И. Валлерстайна состоит в призыве к выходу за навязанные (и идеологически обусловленные) дисциплинарные рамки социальной науки XIX столетия - причем скорее не через развитие междисциплинарных исследований (которые могут привести лишь к институционализации еще одной «дисциплины»), а через *метадисциплинарный* анализ единой и целостной социальной реальности. Ведь «наложение» и «перекрывание» дисциплин все более возрастает и поэтому пришло

время вырваться из этой "интеллектуальной трясины", признав что все они, в сущности, - одна наука о человеческом обществе, а именно, *историческая социальная наука*.

И. Валлерстайн отмечает, что в самой социальной науке всегда существовали "очаги сопротивления" господствующему видению социального мира, которые выступали как против теоретических предпосылок "интеллектуального проекта" социальной науки XIX столетия, так и против ее политических следствий. Первым очагом сопротивления, по мнению И. Валлерстайна, была *Staatswissenschaft*, историческая школа политической экономии в Германии, представленная именами Ф. Листа и Г. Шмоллера. «Их идея была в сущности очень простой: либеральная, фри-трейдерская Великобритания не является моделью, которой могут или должны следовать другие страны. Социальные структуры различных регионов мира являются следствиями их разных историй, которые необходимо ведут к различным институциональным структурам, которые, в свою очередь, определяют разность современных социальных процессов» [4, p.192].

Вторым очагом сопротивления была школа «Анналов» во Франции, представленная такими выдающимися именами, как М. Блок, Л. Февр и Ф. Бродель. «Анналы», по мысли И. Валлерстайна, возникли как «интеллектуальная реакция», как движение, направленное против сложившейся во второй половине XIX - начала XX века организации научного знания в области социальных наук, предполагавшей подразделение на дисциплины со строго очерченным исследовательским полем, против общей схемы исторического развития общества, как неуклонно прокладываемого путь прогресса с критической точкой на рубеже XVIII-XIX веков. В общем, критика «Анналами» традиционной социальной науки, считает И. Валлерстайна разворачивалась в «войне на два фронта»: с одной стороны, против идеографической, а с другой, против номотетической эпистемологий, т.е., как против представлений об «историзирующей» событийно-описательной истории, так и против «объяснения» развития событий в прошлом действием универсальных закономерностей, детерминирующих человеческое поведение.

Не отрицая плодотворности валлерстайновского тезиса о «войне на два фронта», следует подчеркнуть, что вопрос о единстве (генезисе и границах) антиидеографической и антиномотетической тенденций «Анналов» продолжает оставаться дискуссионным: в достаточно сложных сочетаниях обе они все-таки преломились в две основные линии развития - «линию Броделя» («историю структур») и «линию Февра» («историю ментальностей»). Достаточно хорошо известно, что в значительной степени именно эти анналовские наработки послужили истоком, соответственно, как неосциентистской волны (бума «новой социальной» и экономической истории) 60-70-ых, так и противоположной антисциентистской волны («возрождение нарратива») 80-90-ых.

Третьим очагом сопротивления, по И. Валлерстайну, был марксизм, в котором была разработана идея историчности человеческой природы. Маркс, пишет И. Валлерстайн, «доказал, что человеческое поведение является социальным, а не индивидуальным, исторически обусловленным, а не трансисторическим, кроме того, структурно анализируемым - "вся история является историей классовой борьбы"» [4, p. 194]. Трагедия трех указанных направлений состоит в том, что со временем их критическое содержание оказалось выхолощенным, а сами они в конечном счете влились в общий мейнстрим социальной науки, были адаптированы и интегрированы в ее господствующую дисциплинарную модель (в определенном смысле, еще ее усилив): историческая школа *Staatswissenschaft* в конечном итоге приняло вид респектабельного и влиятельного веберизма, «Анналы» ныне представлены так называемым «третьим поколением», марксистская теория же в конечном счете выродилась в «советский марксизм».

Что же предлагает И. Валлерстайн в качестве альтернативы «ужасному наследию» социальной науки XIX столетия? Каково позитивное содержание его метадисциплинарного подхода? Можно выделить несколько новаторских концептуальных положений, которые образуют теоретические предпосылки МСА: во-первых, это переосмысление проблематики исторической темпоральности (от календарного линейного времени к множественности различных видов «времени-и-пространства»); во-вторых, это новая единица анализа (исторические системы, а не отдельные общества и/или государства); в-третьих, это переосмысление сущности социальных изменений (стохастическое развитие вместо линейного прогресса).

Отправной точкой валлерстайновского анализа исторической темпоральности является броделевская теория множественности различных типов времени, акцент на их взаимосвязи с различными пространственными уровнями и масштабами. Предложенная Ф. Броделем альтернатива состоит в разработке двух новых взаимосвязанных типов темпоральности: «темпоральности мед-

ленно изменяющихся устойчивых структур и циклической [темпоральности] конъюнктурных колебаний (*conjunctures*) внутри этих структур» [4, p. 223], которые И. Валлерстайн называет, соответственно, «структурным временем» (вяло текущих долговременных вековых трендов «большой длительности») и «циклическим временем» (более быстрых конъюнктурных ритмов). Продолжая броделевскую линию двойного (количественного - по продолжительности отрезков времени, и качественного - по субстанциональной сущности) типологизирования времени, И. Валлерстайн приходит к выводу о том, что существует пространственная параллель продолжительности отрезков времени, состоящая в соответствующей широте пространственного масштаба, поэтому «время и пространство являются не двумя отдельными категориями, а одной, которую я буду называть "временем-и-пространством" (*TimeSpace*)» [4, p. 139].

Переосмысление проблематики исторической темпоральности позволяет И. Валлерстайну предложить и новую единицу анализа: вместо скомпрометированного социальной наукой XIX века понятия «общества», он вводит понятие «исторической системы» - качественно иной объект исследования, соответствующий структурному «времени-и-пространству». И. Валлерстайн отмечает, что исторические системы 1) они относительно автономны, то есть параметры их функционирования определяются действием внутренних процессов 2) они имеют временные границы, т.е. они имеют начало и конец; 3) они обладают пространственными границами, которые, однако, могут изменяться в ходе их исторического существования [см.: 8, с. 198].

Здесь мы подходим к третьему аспекту валлерстайновской альтернативы традиционной социальной науке XIX века - радикальному отказу от понятия линейной эволюции и идеи «прогресса» как ее квинтэссенции. Понятие прогресса предполагает постоянную и однозначную направленность изменений, тогда как исторические факты свидетельствуют, что социальные процессы могут разворачиваться вспять, замедляться и останавливаться. По мнению И. Валлерстайна, историческая эволюция если и является детерминированной одной ключевой (и безальтернативной) логикой (это логика системного развития, ритма исторической системы), то интенсивность этой детерминации неравномерна и пульсирующая, она лишь постепенно набирает силу и также неизбежно подходит к своему исчерпанию, открывая дорогу целому спектру возможностей разворота развития в любом направлении. Когда историческая система вступает во временную полосу упадка, или разрыва (которые, по определению, случаются только один раз, и только в её конце), все, или почти все становится возможным и реализуемым, а минимальные человеческие усилия способны породить целый спектр широкий спектр альтернатив.

2. Специфика, эволюция и типология мир-систем

Оригинальность подхода И. Валлерстайна состоит в том, что он предлагает принципиально новую исследовательскую перспективу анализа социальных, экономических и политических процессов, - мир-системную перспективу, в которой мир выступает как определенное системное и структурное целое, законы развития которого определяют траектории движения всех отдельных национальных обществ и государств. Непосредственное появление мир-системной теории относится к началу 70-х, когда рождался замысел и создавался первый том «Современной мир-системы» - главного произведения И. Валлерстайна (опубликован в 1974 [9]). Каковы же непосредственные концептуальные истоки концепции мир-систем, какие школы и направления в наибольшей степени повлияли на ее зарождение и развитие? Скорее всего, этот теоретический подход явился синтезом сразу нескольких теоретических традиций

- во, первых, *геоистории* Ф. Броделя и, шире, всего наследия школы «Анналов»,
- во-вторых, «*теории зависимости*» в версии А.Г. Франка (которая, в свою очередь, восходит к марксистским теориям империализма),
- в-третьих, *неклассической экономической теории* (включая концепции экономических циклов), где особо следует выделить работы К. Поланьи, Й. Шумпетера и Н. Кондратьева.

Не трудно заметить, что подход МСА претендует на объединение и творческое развитие трех основных очагов сопротивления господствующей социальной науке (зародившихся в школе «Анналов», марксизме и исторической школе политической экономии и позднее утративших свой критический потенциал).

Основной единицей геоисторического анализа у Валлерстайна являются *исторические системы*, которые могут существовать в двух основных формах: мини-систем и мир-систем, последние дифференцируются им на мир-империи и мир-экономики. Вообще, ключевое для И. Вал-

Валлерстайна понятие “мир-системы” восходит к соответствующим идеям Ф. Броделя, а именно, концепции “мир-экономики”. По Ф. Броделю, последняя представляет из себя “экономически самостоятельный кусок планеты, способный быть в основном самодостаточным, такой, которому его внутренние связи и обмены придают определенное органическое единство” [10, Т.3, с.14]. Мир-экономики, по Броделю, существуют поверх политических, культурных и религиозных границ характеризуясь тремя признаками: 1) они занимают определенное географическое пространство, границы которого могут колебаться; 2) в них всегда присутствует некий полюс, центр тяготения или экономическая столица; 3) вокруг этого центра образуются концентрические зоны: вокруг центра (или ядра) располагаются области “срединной зоны” полупериферийного типа, далее ближняя и дальняя периферия и, наконец, внешнее пространство. Классическими примерами устойчивых мир-экономик является Средиземноморье, Индия, Россия, Китай.

Развивая концепцию Ф. Броделя дальше, И. Валлерстайн предлагает использовать более широкое понятие “мир-системы”, при этом мир-экономика является лишь одним ее вариантом, наряду с мир-империями. Первый вариант исторических систем, мини-системы, представляют из себя пространственно небольшие, относительно кратковременные и культурно-однородные локальные образования, господствующей логикой развития которых является реципрокный (взаимный) обмен различными благами. Мини-системы основывались на присваивающей экономике и были очень неустойчивой формой развития, постоянная гибель которых, возможно, была следствием экологических бедствий или демографического роста. После перехода к производящей экономике в ходе сельскохозяйственной революции появилась возможность возникновения более значительных и устойчивых образований, - мир-систем, которые охватывали более широкие пространственно-временные границы.

Наиболее общим и распространенным вариантом мир-систем в докапиталистическую и раннесовременную эпоху являлись мир-империи - широкие *политические* образования, которые отличались многообразием культурных кодов и которые в периоды экспансии разрушали и/или поглощали более слабые мини-системы и мир-экономики, и “высвобождали” их в периоды “сжатия” или упадка. Основной логикой системы являлось взимание военно-политическим центром ренты-налога (или дани) с локальных непосредственных производителей (в основном сельских общин) и его последующая административно-бюрократическая редистрибуция (перераспределение). Очевидно, что понятие мир-империи И. Валлерстайна близка различным “расширенным” версиям азиатского способа производства (трибутарного С. Амина, рентного В.П. Илюшечкина), в которых он рассматривается в качестве общего принципа развития всей докапиталистической формации, а не ее отдельного этапа (наряду с античным/рабовладельческим и феодальным).

Мир-экономики, в отличие от мир-империй, представляют из себя прежде всего объединенные экономические цепи производства, которые существуют поверх многочисленных политических границ. Мир-экономики интегрируются скорее экономически, чем политически: в отсутствие централизованного контроля экономические агенты обладали большей свободой в накоплении богатств. А политические образования *внутри* мир-экономики способствовали разделению труда и неравному распределению в масштабах всей системы. Основная логика мир-экономики заключается в том, что аккумулируемая прибыль распределяется неравномерным образом в пользу центра, а не периферии системы, т.е. тех, кто способен достигнуть различных видов временных монополий в рыночных сетях. Типологию исторических систем И. Валлерстайна можно суммировать в следующей таблице:

Таблица 1.

Типология исторических систем И. Валлерстайна

Тип исторической системы	Способ интеграции	Тип обмена
мини-системы	традиционный (на основе отношений родства, обычая и т.д.)	взаимообмен (реципрокность)
мир-империи	военно-политический	перераспределение (редистрибуция)
мир-экономики	экономический	рыночный обмен

И. Валлерстайн подчеркивает, что мир-экономики были всегда неустойчивыми и хрупкими образованиями, которые в докапиталистическую эпоху, как правило, поглощались или трансформировались в мир-империи. Скорее всего, наступление и откат как мир-империй, как и альтернативных им мир-экономик, носило циклический характер и тенденция к политической централизации (и административно-бюрократической редистрибуции) сменялась обратной тенденцией к децентрализации (и подъему частных, частнохозяйственных сетей рыночного обмена). Возможно, что те структуры, которые, например, Л.С. Васильев называет античным способом производства, противопоставляя их доминированию отношений "власти-собственности" в "азиатской" линии развития, как раз и являются валлерстайновскими мир-экономиками, и они периодически возвышались не только в Средиземноморье, но и в Индии и Китае (ареале Индийского океана и Южных морей).

Если все докапиталистические мир-экономики, в конечном итоге, поглощались сосуществовавшими с ними мир-империями, то в начале "долгого XVI столетия" (т.е., около 1450 года), в силу ряда конъюнктурных причин в приатлантической части Европы, по мнению И. Валлерстайна, зарождается локальная мир-экономика, которая оказалась менее хрупкой чем другие. Вместо того, чтобы раствориться в более мощной континентальной мир-империи Габсбургов, она к концу данного длинного столетия выживает (т.е. к 1640 году) и сама начинает расползаться по всему свету, став каркасом для развития капиталистического способа производства.

Главная особенность валлерстайновской трактовки генезиса капитализма состоит в том, что он отрицает все "цивилизационистские" объяснения происхождения этих процессов (через исключительность, "экспеционализм" европейской культуры, уникальные особенности экономических и/или политических структур и т.д.) которые, по его мнению, откровенно телеологичны и строятся на принципе *post hoc ergo propter hoc* ["после, значит - поэтому"]. Никаких особых «цивилизационных» предпосылок появления капитализма именно в Европе, считает И. Валлерстайн, не существовало: происхождение "европейского чуда" не запрограммировано внутренней имманентной "логикой" развития европейского общества.

В важной обобщающей работе "Запад, капитализм и современная мир-система" [11] И. Валлерстайн подчеркивает, что происхождение капитализма в известном смысле случайно и объясняется конъюнктурной "конstellацией", кумулятивным сочетанием в XIV-XV вв. совокупности обстоятельств, образовавшихся в краткосрочной временной перспективе в силу неожиданных изменений в экономических, государственных и религиозных структурах в результате "Черной смерти" (эпидемии чумы) и кризиса межконтинентальной торговли ("Великого Шелкового пути") из-за падения "монгольского звена" в XIV-XV вв. (что "стоило" в Западной Европе тройным кризисом - сеньориального хозяйства, феодального государства, католической церкви). Причины европейской капиталистической трансформации поэтому скорее связаны не с внутренней логикой развития европейских структур (которые никуда ни к какому капитализму сами по себе не эволюционировали), а объясняются скорее всемирными геополитическими и геоэкономическими сдвигами, которые неожиданным образом привели к "краткосрочному" (конъюнктурному) ослаблению европейской мир-империи Габсбургов, оказавшейся неспособной (в отличие от мир-империй Китая, Индии и исламского мира) заблокировать или поставить под контроль протокапиталистические структуры своей мир-экономики. Конъюнктурный кризис европейских структур 1350-1450 гг. оказался (в силу их сравнительной неразвитости и периферийности) более глубоким, чем в центрах остальной ойкумены: образовавшуюся "брешь" смогли заполнить структуры капиталистической мир-экономики не потому что они были более развитыми, или иными по своей сущности, чем в исламском мире, Индии или Китае, а потому, что среда их развития была менее сильной и более "отсталой", чем в остальных развитых регионах ойкумены.

И. Валлерстайн выделяет несколько основных этапов развития МКС:

- в конце длинного XVI столетия (ок. 1640) Голландия, Англия и северная Франция образуют ядро, полупериферия состоит из Средиземноморской Европы (Испании, Португалии, Италии, Южной Франции), периферия из Восточной Европы и Латинской Америки;

- в период 1640-1760 происходит умеренный рост КМЭ: в полупериферию перемещается север США, Пруссия и Швеция, в периферию - Юг США и Карибский регион, большинство мира находится за пределами МКС, образуя ее внешнюю зону;

-- в период с конца XVIII по начало XX столетия, который И. Валлерстайн называет "второй эрой великой экспансии капиталистической мир-экономики", возникает устойчивая конфигурация ядра из США, Великобритании, Франции, Германии, полупериферии из государств Восточной и Южной Европы, Россия, Япония и некоторых развитых стран Латинской Америки (Аргентины, Бразилии, Мексики, Чили, Уругвая), периферии из колониальных и полуколониальных государств Азии, Африки и Латинской Америки.

Отличительными чертами капиталистической мир-экономики является:

- 1) непрерывное накопление капитала в качестве движущей силы КМЭ;
- 2) осевое разделение труда, создающее напряжение между центром и периферии системы, ибо неравный обмен внутри КМЭ принимает пространственные формы;
- 3) существование в структуре КМЭ полупериферийных зон;
- 4) значительная роль, наряду с наемным, различных форм ненаемного труда;
- 5) соответствие границ КМЭ границам межгосударственной системы суверенных государств;
- 6) происхождение КМЭ не в XIX, а значительно ранее - в "долгом XVI столетии";
- 7) возникновение КМЭ первоначально в одной части мира (северо-западной Европе) и позднее ее распространение на весь остальной мир через особый процесс "инкорпорации";
- 8) обязательное существование в структуре КМЭ государств-гегемонов, чей период полного и неоспоримого господства является, однако, относительно кратким;
- 9) вторичный характер государств, этнических групп и семейных единиц, которые постоянно создаются и пересоздаются;
- 10) фундаментальное значение расизма и сексизма в качестве организующих принципов функционирования системы КМЭ;
- 11) возникновение антисистемных движений, одновременно подрывающих и усиливающих КМЭ;
- 12) структурная модель циклических ритмов и вековых трендов, которые воплощают внутренние противоречия системы (и которые являются причиной системного кризиса КМЭ, переживаемого нами ныне) [см: 4, p.267-268].

Принципиальная новизна подхода МСА к анализу глобальных структур истории заключается в акценте на примате «внешних», экзогенных факторов социальных изменений, имеющих скорее не внутреннюю, а внешнюю, мир-системную природу. Как справедливо указывает И. Валлерстайн, мы не сможем понять динамику, или смысл социальных изменений, если будем по-прежнему исходить из примата внутренних факторов изменений вне всего глобально-всемирного контекста развития каждого общества или государства. Не существует отдельных автономных и изолированных государственных, политических, культурных образований со своей собственной, имманентной логикой эволюции: «бесполезно анализировать процессы *общественного развития* наших многообразных национальных "обществ", - пишет И. Валлерстайн, - так, как если бы они были автономными внутренне развивающимися структурами, в то время как они являются и всегда были в первую очередь структурами, созданными всемирными процессами и обретающими свою форму в качестве реакции на эти процессы» [12, с.86].

3. Циклы гегемонии в контексте исторической эволюции КМЭ

Одним из важных аспектов МСА является акцент на волновой природе развития исторических систем, которая выражается в исторической динамике циклических ритмов и вековых трендов. Важнейшим циклическим ритмом является т.н. кондратьевский цикл, который длится в среднем 45-60 лет и состоит из двух фаз: расширения (А-фаза) и упадка (Б-фаза). Данный цикл отражает процесс создания крупнейших монополий (этот период образует фазу «А»), и их упадка в результате появления на рынке новых конкурентов (фаза «Б»). Вековые тренды ("логистики") впервые выделены Р. Камероном и составляют период 150-300 лет. По мнению И. Валлерстайна, вековые тренды связаны с так называемыми "циклами гегемонии" тех или иных "великих держав" (*Great Powers*) в КМЭ [1, p.216-217, 258-260].

Эволюция КМЭ представляет собой чередование периодов соперничества и гегемонии государств ядра за относительный (в противоположность мир-империям) контроль над мир-системой. В целом, понятие гегемонии можно определить в качестве таких отношений доминирования одних государств над другими, которые позволяет им устанавливать принципы, процедуры

и правила поведения, общие для (всех остальных акторов и) всей международной системы в целом. Дело в том, что максимальное и наиболее эффективное накопление капитала в КМЭ происходит тогда, когда она достигает некоего срединного состояния между мир-империей (предлагающей непосредственную военно-политическую интеграцию всего ядра) и "открытым" соперничеством нескольких примерно равных игроков. «Идеальной ситуацией с точки зрения накопления капитала внутри системы как целого, - пишет И. Валлерстайн, - является существование доминирующей державы, достаточно сильной для того, чтобы определять правила игры и следить за тем, чтобы они выполнялись до конца. Когда соперничество, в качестве системного условия, замещается гегемонией, это не значит, что держава-гегемон (*hegemonic power*) может всё. Но это означает, что оно может препятствовать изменению (нарушению) правил со стороны других» [13, p.98]. То есть, гегемония в КМЭ определяется наличием достаточно сильных акторов, располагающей возможностью (экономической, политической, военной или идеологической) принудить других к воспроизводству установленного (гегемоном) режима «распределения» различных форм капитала.

Стремление к гегемонии в межгосударственной системе по И. Валлерстайну аналогично стремлению к обладанию монополией в мировой системе производства и это стремление в полной мере никогда недостижимо. Ключевыми поэтому, по мнению И. Валлерстайна, является поиск ответа на следующие вопросы в отношении гегемонии: 1) как то или иное государство достигает превосходства по отношению к другим сильным государствам, т.е. такого положения, которое мы можем называть его «гегемонией»? 2) какую мироструктурную политику проводят державы-гегемоны? 3) почему доминирующие державы утрачивают свою гегемонию?

В истории СМС было всего три державы - гегемона: 1) Соединенные провинции (Голландия) в середине XVII века (1620-1672), Великобритания в середине XIX столетия (1815-1873) и США - в середине двадцатого (пик - 1945-1967/73). По И. Валлерстайну, первоначальной предпосылкой возникновения гегемонии является отнюдь не военная сила, хотя её обретение с течением времени необходимо. Наиболее значительным аспектом на пути к гегемонии для каждой из них являлось достижение первенства в эффективности производства в мир-экономике, которое имеет три измерения: производственное, торговое и финансовое превосходство. Каждая из трех держав-гегемонов доминировала лишь в течение короткого периода, а именно тогда, когда превосходство достигалось *одновременно* во всех трех сферах [1, p.256-257].

При этом важным фактором достижения гегемонии и являлось то, что они в течение долгого времени *не делали* крупных капиталовложений в создание многочисленных армий, однако каждая создавала крупный торговый флот, который помимо своей очевидной экономической функции, поддерживал возможности этих государств в содержании военно-морских сил. «Возможно, - пишет И. Валлерстайн, - это был действительно ключевой фактор того, что данные государства оказались в состоянии одолеть своих главных соперников в борьбе за гегемонию, а именно тот факт, что они *не вкладывали* деньги в создание крупных армий» [13, p.99].

Однако общий последовательное достижение производственного, торгового и финансового превосходства лишь частично может быть объяснено достижением победы в соответствующем виде свободного рыночного состязания на мировом рынке, общая победа всегда требовала государственного влияния для создания преимуществ нерыночного происхождения, постепенное накопление которых, рано или поздно, трансформировалось в общую структурно-привилегированную позицию внутри КМЭ. Финальная стадия борьбы за гегемонию (качественно преобразование нерыночных преимуществ в структурно закреплённую привилегированную позицию) в конечном итоге приводит к решающему военному столкновению, которое И. Валлерстайн называет «*тридцатилетней войной*», в которой участвуют все противоборствующие силы и противоборство идет по всему земному шару.

Таких мировых тридцатилетних войн в истории КМЭ было всего три: 1) В Тридцатилетней войне (1618-1648) голландские интересы взяли верх над интересами Габсбургов, 2) в наполеоновских войнах (1792-1815) англичане взяли верх над французами, 3) в тридцатилетней «американо-германских» войнах 1914-1945 США победили Германию [1, p.258]. «Протекали они скорее спорадически, нежели непрерывно (причём участвующие в них государства зачастую меняли стороны и союзников, по ходу изменяя и своим идеологическим убеждениям), а завершались в конечном итоге разгромом одной из воюющих сторон. Во всех трёх случаях морская (/авиационная) мощь одолевала сухопутную. И в каждом случае силы, приверженные сохранению базовой струк-

туры капиталистической мир-экономики, побеждали те силы, которые стремились преобразовать её в мир-империю» [13, р.99-100]. Так, голландская гегемония, приведшая к политической институционализации КМЭ, выступила исторической альтернативой мир-империи Габсбургов, британская - мир-империи Наполеона, а американская - мир-империи Гитлера. При этом в длительный период упадка гегемонии всегда появлялось два потенциальных «претендента на наследство»: Англия и Франция в после упадка голландской гегемонии, США и Германия - в после упадка британской, а теперь Западная Европа и Япония - после постепенного заката гегемонии США.

Окончание «тридцатилетней войны» каждый раз знаменовалось перестройкой международной системы и установление новой концепции мирового порядка, обеспечивающей долгосрочные политико-экономические преимущества державе-гегемону: это Вестфальский мир 1648 года, это система «европейского концерта» после Венского конгресса 1815 и это ООН после 1945 года. Доминирующая держава может сохранять свою гегемонию в периоды средней длительности только до тех пор, пока она в состоянии навязывать институциональные ограничения на степень свободы и открытости мирового рынка, который бы работал в этом случае исключительно на её благо (ибо в силу своей большей эффективности, производители державы-гегемона в краткосрочной перспективе выигрывали в условиях максимально открытого и свободного мирового рынка, однако в среднесрочной перспективе они, в конечном итоге, становились бы проигравшими, так как сталкивались с новыми не менее эффективными конкурентами). Непосредственный период гегемонии каждом случае является относительно кратким и обычно составляет период 25-30 лет, после чего прежняя держава-гегемон снова становится обычной великой державой среди прочих (даже если она и остается какое-то время наиболее сильной среди них в военном отношении) [1, р. 435-436]. Упадок гегемонии определяется снижением общей экономической эффективности через появление дополнительных видов непроизводительных издержек, определяемых «бременем лидерства» (перераспределения монопольных доходов в пользу средних и низших слоев, вложения крупных средств в развитие военной инфраструктуры), отсутствие которых в свое время как раз и послужило основой для подъема государства-гегемона.

Таблица 2.

Концепция циклов гегемонии И. Валлерстайна

Гегемония	Мировая «тридцатилетняя война»	Реструктуризирующее соглашение	Период доминирования	Упадок и новые соперники
Нидерланды	Тридцатилетняя война (с мир-империей Габсбургов), 1618-1648	Вестфальский договор, 1648	1620-1650	1650-1672, Великобритания и Франция
Великобритания	Наполеоновские войны (с мир-империей Наполеона), 1792-1815	Венский конгресс, 1815	1815-1873	1873-1896, США и Германия
Соединенные Штаты	Первая и Вторая мировая война (с мир-империей 2 и 3 Рейха)	Ялтинская конференция, 1945	1945-1967	1967 - ?, ЕС и Япония/Китай

Таким образом, по мнению И. Валлерстайна, в истории постоянно происходили циклические взлеты и падения держав-гегемонов, которые обеспечивали необходимую степень устойчивого равновесия межгосударственных отношений внутри СМС, а также процессы беспрепятственного накопления капитала. «Гегемония, просуществовавшая слишком долго, превратила бы систему в мир-империю. А система, в которой не возникла держава-гегемон, не имела бы возможностей для создания устойчивых временных порядков, необходимых для максимального накопления» [13, р.102].

Анализ “циклов гегемонии” показывает достаточно точную корреляцию и с вековыми трендами, и с циклическими ритмами Кондратьева. Например, вековые тренды (“логистики”) 1450-1730 (с пиком в 1600-1650), 1730-1897 (с пиком в 1810-1817) и неоконченный тренд с 1897 г. показывают, что мировая “тридцатилетняя война” и последующий период гегемонии приходятся на период (до или после) пика векового тренда [1, p.216-217, 258-259]. Медленный рост гегемона происходит в условиях долгосрочного экономического подъема в условиях относительно свободной конкуренции множества игроков, закрепление доминирующей позиции самого удачного (т.е., эффективного) из них происходит через победу в мировой “тридцатилетней войне” и последующее реструктуризирующее соглашение. Закрепление монопольной позиции гегемона ведет к долгосрочному относительному падению эффективности и возвращению к состоянию соперничества многих держав.

Данная закономерность сохраняется и в вековых трендах, выделенных Ф. Броделем на основе новаторской работы Г. Эмбера: первый цикл 1250-1507/10 (пик в 1350), второй цикл 1507/10-1733/43 (пик в 1650), третий цикл 1733/43-1896 (пик в 1810/17), четвертый цикл начинается в 1896 (1973 пик?) [10, Т.3, с.73]. Следует заметить, что по Ф. Броделю, пиковая точка отмечает кульминационный момент, где вековой тренд начинает свое нисходящее движение, иными словами, точку кризиса. С точки зрения МСА, вековые тренды Ф. Броделя связаны с постоянным перемещением (возвышением и падением) локусов гегемонии в европейской мир-экономике: в первом цикле ее гегемоном были торговые республики Италии (Венеция, Генуя и др.), во втором цикле - сначала Португалия, а потом Соединенные провинции (Голландия), в третьем цикле - Великобритания, и в четвертом - Соединенные Штаты Америки. Следует специально подчеркнуть, европейская (а после голландской гегемонии, мировая капиталистическая) мир-экономика в ходе всех этих циклов отчаянно противодействовала попыткам подчинения (и включения) в европейские континентальные мир-имперские структуры - соответственно, в Священную римскую (германо-итальянскую) империю, империю Габсбургов, Наполеоновскую империю, Германский рейх.

Наконец, оригинальная модель взаимосвязь циклов гегемонии и вековых трендов была предложена Дж. Арриги в монографии “Длинное двадцатое столетие” [14]. Дж. Арриги считает, что столетние тренды Ф. Броделя определены прежде всего эмпирически на основе исследования долгосрочного колебаний товарных цен и необходим поиск более глубоких механизмов “запуска” и исчерпания циклов гегемонии. По его мнению, таким механизмом являются вековые тренды “системного цикла накопления” (СЦН), которые образуются чередованием фаз (1) материальной и (2) финансовой экспансии, определяемых различными режимами накопления капитала. Дж. Арриги выделяет четыре вековых тренда гегемонии (“долгие столетия”), внутри которых действуют соответствующие “системные циклы накопления” капитала:

- 1) “долгое XV-XVI столетие” 1340-1630 гг. с генуэзским СЦН в период 1450-1630 гг.
- 2) “долгое XVII столетие” 1560-1780 гг. с голландским СЦН в период 1630-1780 гг.
- 3) “долгое XIX столетие” 1740-1930 гг. с британским СЦН в период 1780-1930 гг.
- 4) “долгое XX столетие” с 1870 г. и американским СЦН начиная с 1930 г.

Точки наложения “долгих столетий” (1560, 1740, 1870) обозначают, с одной стороны, переключение режимов накопления капитала в рамках данного СЦН (от промышленно-торговой к финансовой экспансии), а, с другой стороны, “сигнальный кризис” заката гегемонии и появления новых активных претендентов, т.е., наступлении нового “долгого века”. Точки окончания “долгих столетий” (1630, 1780, 1930) являются знаком, с одной стороны, “заключительного кризиса” гегемонии, ее окончательного исчерпания во всех сферах, а, с другой стороны, указывают на наступление следующей гегемонии, в рамках которой начинается очередной СЦН (в своей первой фазе как режим материальной экспансии и накопления). Концепция Дж. Арриги разрешает многие дискуссионные проблемы внутреннего развития циклов гегемонии и реконструирует политико-экономический механизм ее эволюции.

Связь ритмических кондратьевских циклов с “циклами гегемонии” носит более сложный характер, однако в целом один гегемонистский цикл охватывает, как считают многие исследователи, два полных цикла Кондратьева. По мнению Т. Хопкинса и членов исследовательской группы “Циклические ритмы и вековые тренды в КМЭ” [См.: 15] их взаимосвязь имеет следующий вид:

фаза А¹ - период восходящей гегемонии и острых конфликтов между претендентами;

фаза Б¹ - достижение победы в борьбе за гегемонию, новый гегемон обгоняет другие государства;

фаза А² - зрелость (и структурное закрепление) гегемонии;
фаза Б² - постепенный упадок гегемонии, появление новых претендентов на гегемонию.

Таблица 3.

Модель взаимосвязи циклов “долгих столетий” и СЦН по Дж. Арриги

гегемония	Голландия	Великобритания	США
начало текущего “долгого столетия” (“сигнальный кризис” предыдущей гегемонии)	1560	1740	1870
начало текущего СЦН (“заключительный кризис” предыдущей гегемонии и предыдущего “долгого столетия”)	1630	1780	1930
“сигнальный кризис” гегемонии, переключение режима текущего СЦН (начало следующего “долгого столетия”)	1740	1870	1974
“заключительный кризис” гегемонии (окончание текущего “долгого столетия” и текущего СЦН)	1780	1930	?

Последние исследования Дж. Модельски и У. Томпсона подтвердили наличие взаимосвязи между волнами Кондратьева и “циклами гегемонии” [16, р. 65-69], в частности то, что кардинальное установление гегемонии (макро-решение, по их терминологии) находится примерно на стыке первой и второй кондратьевской волны. Однако нестыковки и противоречия в определении последовательности смены гегемоний, особенно в XVII-VXIII столетиях, по нашему мнению, не укладываются в 4-х тактную модель из двух кондратьевских циклов. Об этом, в частности, говорит полемика по поводу двух накладывающихся друг на друга циклов голландской или британской гегемонии, когда “вторая” голландская и (она же) “первая” британская гегемония приходится на один и тот же период в XVIII ст. Это говорит о том, что кондратьевские ритмы связаны с “циклами гегемонии” более сложным образом. Полный цикл развития и упадка гегемонии в КМЭ, как мы считаем, не только определенным образом коррелирует с вековыми трендами Дж. Арриги и Ф. Броделя, но и *составляет период из трех кондратьевских циклов*.

Учитывая работы Ф. Броделя, И. Валлерстайна, Дж. Модельски и У. Томпсона, Дж. Арриги, Т. Хопкинса и др., соотношение вековых трендов Ф. Броделя, “долгих столетий” и СЦН Дж. Арриги с кондратьевскими циклами и “циклами гегемонии” для современной КМЭ может быть, по нашему мнению, реконструировано следующим образом (См. табл. 4):

Первая кондратьевская волна (К-1) отражает постепенный подъем державы-гегемона в условиях острого экономического и военно-политического соперничества, вторая волна (К-2) связана с собственно установлением и зрелостью гегемонии, третья волна (К-3) является периодом постгегемонии (для державы-гегемона это период заката или “осени”, когда рядом появляются новые мощные соперники и конкуренты, а сама она становится *одной* из нескольких “великих держав”).

“Долгие столетия” и СЦН показывают достаточно высокую степень корреляции с кондратьевскими волнами: фиксируемые Дж. Арриги временные точки, как правило, приходятся на середину или вторую половину нисходящих Б-фаз и их более корректно, на наш взгляд, отодвинуть еще дальше к началу следующей волны, что более точно фиксирует перелом и начало новой тенденции. “Долгие столетия” включают четыре кондратьевские волны - три волны собственно гегемонии плюс первую волну следующего гегемонного цикла, которая, однако, является “финансовым” отростком предыдущего СЦН. Собственно СЦН начинаются с установления структурного доминирования гегемонии и охватывает две кондратьевские волны в режиме материального накопления/экспансии капитала (К-2 и К-3) и одну следующую кондратьевскую волну в режиме финансового накопления/экспансии (тогда, когда уже начался цикл подъема следующего гегемона).

Таблица 4.

Взаимосвязь “циклов гегемонии”, вековых трендов и циклических ритмов
в современной КМЭ

вековые тренды Ф. Броделя	первый вековой тренд 1507/10-1733/43	второй вековой тренд 1733/43- 1896	третий вековой тренд 1896- 2050(?)
“долгие столетия”	1560/80-1780/92	1740-1930/45	1870/97-?
СЦН	1630/40-1780/92	1780/92-1930/45	1930/45-?
подъем и упадок ге- гемонии	Голландия	Великобритания	США
основной противник	Иберийско- европейская империя Габсбургов	Франция	Германия
А ¹ фаза К-1	1580-1609	1740-1763	1897-1913/20
Б ¹ фаза К-1	1609-1640	1763-1792	1913/20-1945
структурное домини- рование	Вестфальский мир 1648	Венский конгресс 1815	Ялта и ООН 1945/47
А ² фаза К-2	1640-1660	1792-1817	1945-1973
Б ² фаза К-2	1660-1688	1817-1851	1973-2000/05
новые соперники	Великобритания и Франция	США и Германия	Япония и ЕС
А ³ фаза К-3	1688-1713	1851-1873	2000/05-2025/30
Б ³ фаза К-3	1713-1740	1873-1897	2025/30-2050/55

Различие между классическими теориями циклов гегемонии и подходом Дж. Арриги состоит, таким образом, прежде всего, в интерпретации кондратьевской волны К-1: с одной стороны, она работает в рамках финансовой фазы СЦН, установленного предыдущим гегемоном, это своеобразный остаточный “хвост” предыдущей гегемонии, и индустриальная, торговая и военная экспансия (и преобладание) которой остались в прошлом, с другой стороны, это период подъема нового наследника (на основе финансовых ресурсов предыдущего гегемона) и замещения последнего на международном рынке. В этот же период К-1 наследник (опираясь на финансы предшествующего гегемона) вступает в решающее военное столкновение со своими конкурентами, благодаря этой поддержке (и союзу) побеждает в мировой “тридцатилетней войне”, после чего занимает привилегированную позицию внутри КМЭ, которая, в свою очередь, создает возможность запуска собственного СЦН.

4. Сценарии и прогнозы развития СМС в период 2000-2025/50 гг.

Какие же существуют возможные варианты реконфигурации основных “Great Powers” в период 2000-2025/50 гг.? Основой их построения является прогнозируемый постепенный упадок гегемонии США, что создает широкие возможности моделирования геостратегических сценариев развития мирового порядка в период 2000-2025/50 гг. с учетом уже отработанных схем и установленных алгоритмов смены гегемонии. Как отмечает сам И. Валлерстайн в статье “Мир, стабильность и легитимность, 1990-2025/2050” «периоду с 1990 по 2025/2050, вероятно всего, будет недоставать мира, недоставать стабильности и недоставать легитимности. Частично это объясняется упадком США в качестве гегемона мир-системы, но еще в большей степени кризисом последней именно как мир-системы» [1, р. 435]. В этом смысле период, следующий за американской гегемонией в чем-то аналогичен постбританскому периоду во второй половине XIX и постголландскому периоду во второй половине XVII столетия, однако будет отличаться от них гораздо большей степенью беспорядка и дезинтеграции, тем состоянием “хас-са”, которые характерны для точек бифуркации исторических систем.

В современной мир-системе, по мнению И. Валлерстайна в настоящее время заканчивается кондратьевская Б-фаза 1973-2000 гг. и наступает новая восходящая фаза очередного кондратьевского цикла (фаза А³ К-3, по нашей классификации), которая придется на период 2000-2025/30 гг. Основой подъема будут образовывать процессы монополизации какого-то нового ведущего

продукта “высоких технологий” в одной из трех точек ядра современной КМЭ - Японии, ЕС или США. Так как третья кондратьевская волна в рамках вековых трендов КМЭ всегда открывает эру постгегемонии, то прогноз И. Валлерстайна состоит в том, что постепенно, в течении следующих 50-75 лет, “морская” Япония превратит США в своего младшего партнера (как Великобритания это сделала с Голландией, а США, в свою очередь, с Великобританией) и объединенный японо-американский кондоминиум рано или поздно сойдется в новой крупномасштабной “тридцатилетней” мировой войне с “континентальным” ЕС, победителем из которой выйдет Япония [1, р.439]. Остальные регионы КМЭ в той или иной степени будут распределены между этими двумя альянсами: Северная и Южная Америка, Китай, Юго-Восточная Азия и Тихоокеанский регион войдут в японо-американскую зону, Центральная и Восточная Европа, Россия, Ближний Восток, Африка и Индия - в зону европейскую. Важнейшей проблема развития и консолидации этих двух зон в период 2000-2025 гг. будет состоять в выборе оптимальных методов интеграции, прежде всего, двух гигантов - Китая и России. Для успешной интеграции как Россия, так и Китай должны достигнуть и поддерживать определенный уровень внутренней стабильности и легитимности, которые еще полностью не достигнуты.

По сути, валлерстайновский прогноз распределение союзов в новом туре борьбы за гегемонию прямо противоположен известному сценарию “столкновения цивилизаций” С. Хантингтона, который предполагает борьбу евроатлантического альянса (США-ЕС) в союзе с Россией против японо-китайского объединения, к которому может присоединиться исламский блок [17; перевод отрывка из книги см.: 18].

Основными особенностями периода 2000-2025/30 гг. по И. Валлерстайну будут следующие черты:

1) примерное геоэкономическое и геополитическое равновесие японо-американского кондоминиума и европейского альянса;

2) если в период предыдущей А-фазы 1945-1967/73 из экспансии мировой экономики Юг смог извлечь определенную пользу, то в период будущей А-фазы 2000-2025/30 гг. основные инвестиции пойдут в Китай и Россию, что еще в большей степени маргинализирует и усилит разрыв между Севером и Югом;

3) стабилизация численности населения в ядре КМЭ и его резкий рост на периферии приведет к значительному увеличению миграции с Юга на Север, что вызовет ответную реакцию в виде призывов к ограничению социально-политических прав “южных” мигрантов. Примерно к 2025 г. “южане” могут составить 25-50% населения Северной Америки, ЕС и (даже) Японии, не обладая при этом полными политическими и социальными правами коренных граждан Севера. В известном смысле это воспроизводит ситуацию первой половины XIX века во Франции и Англии, когда для обуздания “опасных классов” было предложено либеральное государство (со всеобщим избирательным правом и идеей “всеобщего благосостояния” для умиротворения “плебеев”). «Не обнаружат ли себя Западная Европа, Северная Америка и Япония в той же ситуации, в какой находились Великобритания и Франция в 1830?» [1, р.444];

4) существенно изменяется в худшую сторону положение среднего класса в странах ядра КМЭ. За резкое, как относительное, так и абсолютное увеличение величины среднего класса, который стал одним из основ стабильности государств ядра КМЭ, приходится расплачиваться повышением стоимости продукции, ростом инфляции и серьезным замедлением процессов накопления капитала. Поэтому период 2000-2025/30 гг. будет отмечен попытками уменьшить, как относительную, так и абсолютную величину среднего класса в ядре КМЭ (через демонтаж социального государства “всеобщего благоденствия”, сокращения госбюджетов и т.д.). Однако образованные и привыкшие к комфорту “средние слои” вряд ли пассивно согласятся со своей репролетаризацией и ремаргинализацией (снижением как своего статуса, так и общих доходов). «В любом случае, - отмечает И. Валлерстайн, - КМЭ столкнется в ближайшее время с дилеммой выбора между ограничением накопления капитала, с одной стороны, и возможными политико-экономическими протестами бывшего среднего класса, с другой» [1, р. 445].

5) развитие современной мир-системы в период 2000-2025/30 гг. будет происходить в условиях постоянных экологических ограничений, ибо последнее и самое больше расширение КМЭ в период предыдущей А-фазы 1945-1967/73 гг. вплотную подошло к пределу ее экологических возможностей;

Таблица 5.

Динамика циклов гегемонии и трансформация основных моделей мирового порядка

	Великобритания	США	Япония/Китай или ЕС/Россия
Глобальная “тридцатилетняя” война за гегемонию и формула союза	Великобритания + Нидерланды vs. Франции 1801-1815	США + Великобри- тания vs. Германии 1914-1945	(Япония/Китай +США) vs. (ЕС/России) 2050/55-2100/05
Реструктуризация ме- ждународного режима	Венский конгресс, 1815	Ялта и ООН, 1945/47	2100/05
Мировая держава	1815-1848	1946-1973	2100/05-2150/55
Делегитимизация ге- гемонии	1848-1873	1973-2000/05	2150/55-2175/80
Дезинтеграция между- народного режима	1873-1913/20	2000/05-2050/55	2175/80-2200/05

6) современная мир-система вступает в период 2000-2025/30 гг., достигнув крайней точки своей географической экспансии, в условиях практически полного исчерпания возможностей включения новых периферийных зон и пролетаризации населения КМЭ (что все время воссоздавало новые возможности снижения издержек производства и блокировало тенденцию нормы прибыли к понижению, т.е. служило ключевым механизмом воспроизводства процессов накопления капитала в масштабах КМЭ). Поэтому неизбежен рост издержек производства в глобальном масштабе и резкое снижение абсолютного и относительного объема прибыли.

7) в период 1945-2000 гг. политическая энергия формирующегося среднего класса на Юге КМЭ была направлена на “деколонизацию” (Африка, Южная и Юго-Восточная Азия, Карибский регион) или другие различные сравнимые формы политической активности (в Китае, части Среднего Востока, Латинской Америке, Восточной Европе и России), при этом предполагалось, что достижение политических целей - национальной независимости, либерализация режима и т.д., - способно обеспечит в будущем экономическое процветания. Трагедия же периода 2000-2025/30 гг. будет состоять в том, что никакого процветания среднего класса на периферии и полупериферии КМЭ так и не наступит, что может вызвать новый всплеск политической активности и начало нового витка “антисеверной” мобилизации (еще более успешной, чем в период предыдущей А-фазы 1945-1967/73).

8) самой важной особенностью периода 1945-2000 гг. будет закат либерализма и рост требований подлинной демократизации всех сторон жизни КМЭ, в т.ч. и социально-экономической. Дело в том, что сущностью либерализма, по мнению И. Валлерстайна является противодействие и ограничение требований демократизации, а непосредственная задача состоит в сдерживании “опасных классов” сначала в рамках ядра КМЭ, а потом и в рамках всей мир-системы в целом. «Решение, которое предлагалось либерализмом, состояло в предоставлении [“опасным классам”] ограниченного доступа к политической власти и ограниченной доли прибавочной стоимости на уровне, не способном угрожать процессу непрерывного накопления капитала или той государственной системе, в которой этот процесс происходит» [1, р. 448]. Хотя разработанная в XIX веке формула либерального государства (всеобщее избирательное право и “государство всеобщего благосостояния”) на национальном уровне сработала удачно в ядре КМЭ, однако попытка ее проекции на уровень межгосударственной системы (через идею национального самоопределения и экономической модернизации недоразвитых государств) выявило невозможность создания “государства всеобщего благосостояния” на мировом уровне без нарушения основного процесса накопления капитала. Объясняется это тем, что либеральная программа, реализуемая в ядре КМЭ основывалась на эксплуатации Юга, когда же ее попытались применить за пределами ядра, то ресурсов для ее осуществления, понятно, не нашлось.

Фиаско либерализма, его неспособность усмирить “опасные классы” в масштабах всей мир-системы без существенного изменения глубинных принципов ее функционирования (усугубляемая обратным дрейфом среднего класса ядра к маргинально-полупролетарскому состоянию

XIX века) делает опять актуальным требование настоящей, подлинной демократизации, т.е., все-таки постановки вопроса о изменении принципов функционирования КМЭ и замене ее иным, более эгалитарным видом исторической системы.

Указанные основные особенности развития современной мир-систем в период 2000-2025/30 гг., скорее всего, по мнению И. Валлерстайна, приведут к следующим последствиям:

1) Значительно уменьшится способность государств поддерживать внутренний порядок, как и уменьшится их роль в СМС. Возможен даже распад многих государств не только на периферии и полупериферии, но и в ядре системы. При этом социальный беспорядок опять может стать нормальным состоянием многих государств ядра КМЭ, а в некоторых из них могут разгореться даже гражданские войны. Уже сейчас современные государства не справляются с требованиями обеспечить необходимый уровень безопасности и благосостояния, что определяет тенденцию к приватизации этих сфер жизни и означает начало движения в направлении, противоположном тому, которое развивалось в течении последних 500 лет. Поэтому произойдет расширение частных вооруженных формирований и полицейских структур, создаваемых разнообразными этнокультурными группами, корпорациями, местными общинами, религиозными объединениями и преступными синдикатами [19, p.25].

2) Межгосударственная структура СМС станет менее регулируемой и структурируемой, а авторитет ООН будет неуклонно снижаться (что будет усугубляться распространением ядерного оружия среди все большего количества государств, миграциями с Юга на Север и т.д.).

3) Снижение эффективности институтов государственности (и современной межгосударственной системы) приведет к подъему значения различных форм партикулярной, групповой идентичности (этнической, религиозно-языковой, родовой или гендерной, прочих видов "меньшинств с разнообразными характеристиками). Возможно, они станут своеобразной альтернативой "общегражданской" самоидентификации в национальном государстве, которое строиться на их объединении и интеграции в единое целое. Возможно, что в мире беспорядка и неуверенности именно "группы" (как вчера государство) будут обеспечивать защиту, безопасность и благосостояние отдельного индивида. Парадокс состоит в том, что партикуляризация есть один из симптомов демократизации, результатом «поражения [национального] государства из-за того, что либеральное реформирование оказалось миражом, ибо "универсализм" государств на практике оборачивался требованием забыть или подавить многие более слабые слои» [1, p.451].

4) Значительное распространение получают не только многочисленные локальные вооруженные конфликты в странах Юга (внутренние "южные войны") и столкновения разных "меньшинств" на Севере, но и многочисленные и одновременные "малые" войны Юга против Севера (война в Персидском заливе является первым примером).

5) Последним фактором, который будет усиливать состояния хаоса, может быть некая новая глобальная эпидемия по типу "Черной смерти" в середине XIV столетия. Возможно, что СПИД как раз и открывает новую глобальную волну пандемий, что опять таки, противоположно тенденции, разворачивающейся в последние 500 лет (и параллельно тенденциям уменьшения стабильности государств и процессам дезинтеграции межгосударственной системы СМС). В конечном итоге, данный фактор, увеличивая как нагрузку на государственные механизмы, так и уровень взаимной нетерпимости, лишь усилит общие процессы падения государственности в СМС.

По мнению И. Валлерстайна, когда историческая система входит в зону "перехода", то мы должны привлечь на помощь утопистику, науку "утопических утопий", которая состоит в попытке прояснить подлинные исторические альтернативы, которые возникают тогда, когда историческая система входит в фазу кризиса и оценить в этот момент крайних флуктуаций плюсы и минусы альтернативных стратегий [4, p.270].

Какие же существуют исторические альтернативы для периода после 2025/30 гг.? И. Валлерстайн в работе "*Капиталистическая цивилизация*" выделяет три возможных сценария развития событий [См.: 19, p. 25]:

Первый сценарий состоит в переходе к *неофеодализму*, который может в значительно более уравновешенной форме воспроизвести эпоху нового смутного времени. Отличительными чертами данной системы будет парцелляризация суверенитета, развитие локальных сообществ и местных иерархий, в общем - возникновение "мозаики" автаркичных регионов, связанных между собой лишь нитями горизонтальных связей. Такая система может оказаться достаточно совместимой с миром высоких технологий. Процесс накопления капитала не может больше служить дви-

жущей силой развития такой системы, однако все равно это будет разновидность неэгалитарной системы, способом легитимации которой, возможно, может явиться возрождение веры в естественные иерархии.

Второй сценарий связан с установлением нечто вроде демократического фашизма, когда мир будет разделен на две касты: высший слой примерно из 20% мирового населения, внутри которого будет поддерживаться достаточно высокий уровень эгалитарного распределения, и низший слой, состоящий из трудящихся "пролов", т.е. из лишенного политических и социально-экономических прав пролетариата (остальные 80% населения). Гитлеровский проект "нового порядка" как раз предполагал что-то близкое к данной системе, однако он потерпел фиаско из-за самоопределения себя в пределах слишком узкого верхнего слоя.

Третьим сценарием может быть переход к радикально более децентрализованному во всемирном масштабе и высокоэгалитарному мировому порядку. Такая возможность кажется наиболее утопичной, но ее не следует исключать. Для ее реализации потребуются существенное ограничение потребительских расходов, но это не может быть просто социализация бедности, ибо тогда политически этот сценарий становится невозможным.

В конечном итоге, И. Валлерстайн приходит к выводу о том, что «после бифуркации, которая произойдет в период 2050-2075 гг., мы сможем быть уверены лишь в нескольких вещах. Мы не будем жить в капиталистической мир-экономике, а при каком-то новом порядке или порядках, при какой-то новой исторической системе или системах. И поэтому мы, вероятно сможем опять узнать относительный мир, стабильность и легитимность. Но будет ли это лучший мир, лучшая стабильность или лучшая легитимность, чем те, которые были известны нам до сих пор, или это будет еще более худший вариант? И то и другое неизвестно, и зависит от нас» [1, p.453].

Примечания

- 1 Wallerstein I. *The Essential Wallerstein* (New York: The New Press, 2000).
- 2 Неформальная экономика. Россия и мир./Под ред. Т. Шанина. - М.: Логос, 1999. - 576 с.
- 3 Wallerstein I., "World-System Analysis," in A. Giddens & J.H. Turner, eds., *Social Theory Today* (Cambridge: Polity Press, 1987), 309-24;
- 4 Wallerstein I. *Unthinking Social Science. The Limits of Nineteenth-Century Paradigms* (Cambridge: Polity Press, 1991).
- 5 Валлерстайн И. Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменяется? // Социологические исследования. - 1997. - №1.
- 6 Wallerstein I., "The TimeSpace of World-Systems Analysis: A Philosophical Essay," *Historical Geography*, Vol. XXIII, No. 1/2 (1993), 5-22.
- 7 Wallerstein I., "Open the Social Sciences," *Items*, Vol. 50, No. 1 (March 1996), 1-7.
- 8 Валлерстайн И. Исторические системы как сложные системы // Вестник ХГУ. Философские перипетии. - 1998. - №409. - С.197-203;
- 9 Wallerstein I., *The Modern World-System. Vol. 1: Capitalist Agricultural and the origins of the European World-Economy in the sixteenth Century* (New York: Academic Press, 1974). Второй и третий том вышли, соответственно, в 1980 и 1989 гг.: Wallerstein I., *The Modern World-System. Vol.2: Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600-1750* (New York: Academic Press, 1980); Idem, *The Modern World-System. Vol.3: The Second Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730-1840's* (San Diego: Academic Press, 1989).
- 10 Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика, капитализм. XV-XVIII вв. В 3 тт. - М.: Прогресс, 1986-1992.
- 11 Wallerstein I., "The West, Capitalism, and the Modern World-System," *Review*, Vol. XV, No. 4 (Fall 1992), 561-619.
- 12 Уоллерстайн И. Общественное развитие или развитие мировой системы? // Вопросы социологии. - 1992. - № 2. - С.77-88.
- 13 Wallerstein I., "The inter-state structure of the modern world-system," in Smith S., Booth K., Zalewski M., (eds.) *International theory: positivism and beyond* (Cambridge: Cambridge University Press, 1996), 87-107.
- 14 Arrighi G. *The Long Twentieth Century. Money, Power, and the Origins of Our Times* (London: Verso, 1994)/

- 15 Hopkins T., Wallerstein I., et. al. "Cyclical Rhythms and Secular Trends of the Capitalist World-Economy," *Review*, Vol. II, No.4 (1979), 483-500.
- 16 Modelski G. and Thompson W.R. *Leading Sectors and World Powers: The Coevolution of Global Politics and Economics* (Columbia: University of South Carolina Press, 1996).
- 17 Huntington S. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order* (New York: Simon and Schuster, 1996).
- 18 Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка // *Pro et Contra*. - 1997. - № 2. - С.114-153.
- 19 Wallerstein I., "Capitalist Civilization," *Wei Lun Lecture Series II, Chinese University Bulletin*, Supplement 23 (1992), 5-26.

МИР-СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ КАК СОВРЕМЕННАЯ КРИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Т.Ю. Журженко

(Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина)

В этой статье предпринимается попытка решить (или хотя бы поставить) две задачи. Первая состоит в том, чтобы определить место мир-системной теории в современной интеллектуальной системе координат, увидеть, что же выделяет ее на фоне разнообразного ландшафта современных социальных наук. Вторую задачу я вижу в том, чтобы на основе этой локализации рассмотреть возможности мир-системного анализа в роли критической теории – как в глобальном, так и в более частном, постсоветском контексте.

Мир после окончания Холодной войны – это мир, в котором, по общему убеждению, идеологии перестали играть определяющую роль. Ф. Фукуяма провозгласил полную и окончательную победу либерализма (по крайней мере, в сфере идей) над своими вечными оппонентами и в первую очередь над социализмом; Валлерстайн, оценивая те же события, пришел к противоположному выводу – о конце либерализма, неспособного более выполнять легитимирующую функцию в капиталистической мир-экономике. Что же определяет источники и движущие силы глобальных трансформаций в современном мире? Неограниченная экспансия рынка, на пути которой исчезают последние политические и социальные барьеры? Логика накопления капитала в мировом масштабе? Возрождение цивилизаций и претензии новых государств на гегемонию? Очевидно, на этот счет существуют различные подходы, которые условно можно свести к следующей схеме (по горизонтали – левая или правая ориентация, по вертикали – соотношение экономических и культурных факторов). В этой системе координат мы попытаемся затем определить место мир-системной теории.

1. Неолиберализм видит в качестве такой движущей силы рынок – если ему предоставить полную свободу, снять политические и социальные ограничения (открыть границы движению капитала, устранить ограничения государства благосостояния). Глобализация в данном случае предстает как закономерный результат естественного развития рыночной экономики, развертывания ее внутренней логики. Стратегия как для отдельной страны, так и для каждого индивида состоит в том, чтобы найти свое место в новом международном разделении труда и использовать его преимущества.

2. Согласно С. Хантингтону [1] – дальнейшее развитие мировой истории после окончания Холодной Войны, глобальные трансформации в современном мире определяются столкновением не экономических интересов, а культурных (цивилизационных) идентичностей. Будущий глобальный порядок будет определяться соотношением сил между основными мировыми цивилизациями: западной, китайской, мусульманской, африканской, латиноамериканской и т.д. Различные системы ценностей, разное видение мира предопределяет международные конфликты, а альянсы между государствами будут возникать впредь не столько на основе политических интересов, сколько на основе цивилизационной общности. Поскольку человек склонен определять свою религиозную и этническую идентичность через отрицание образа Другого – враждебность и конфликты оказываются неизбежными. Другая сторона этой позиции – правого полюса культурного детерминизма –